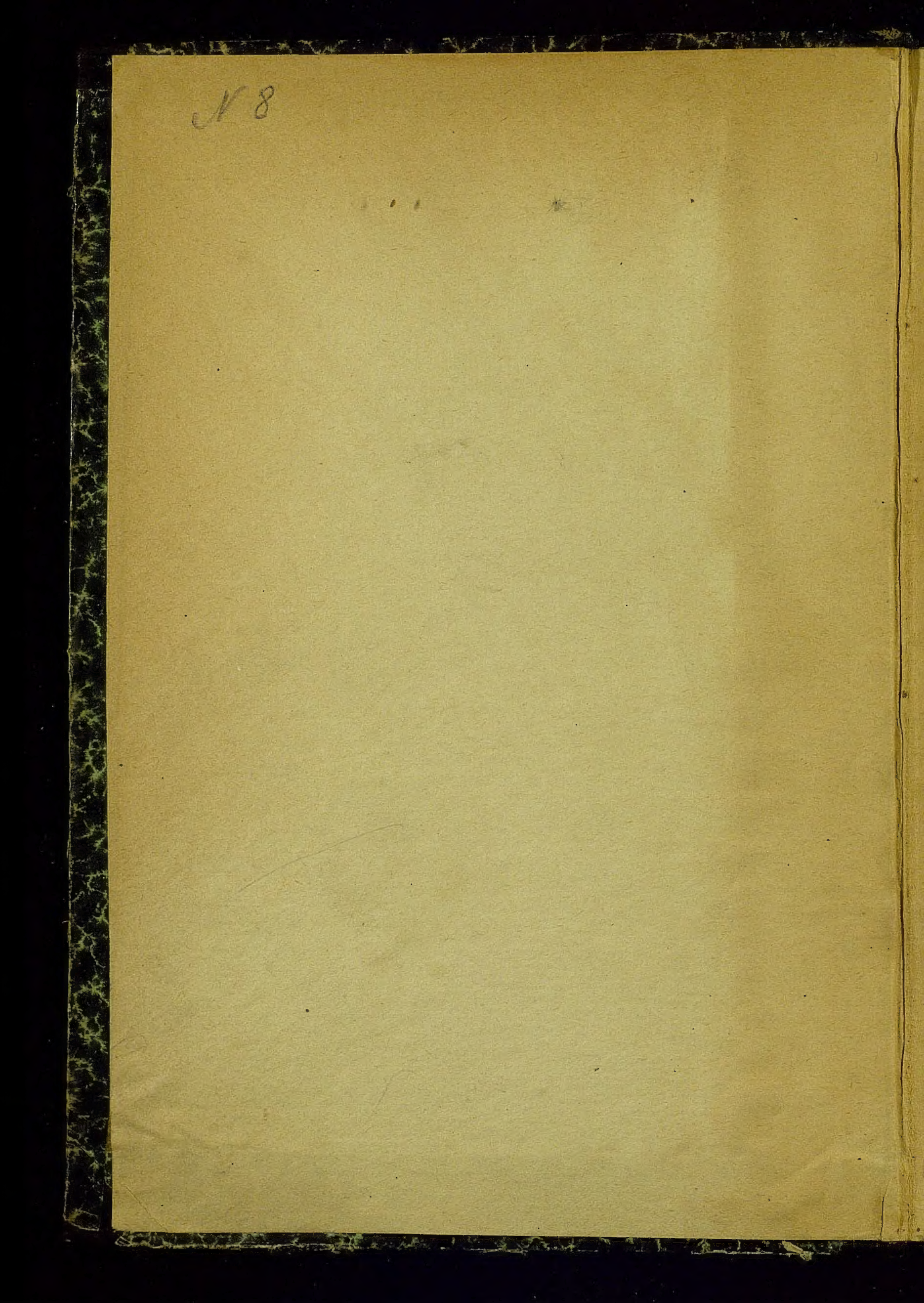
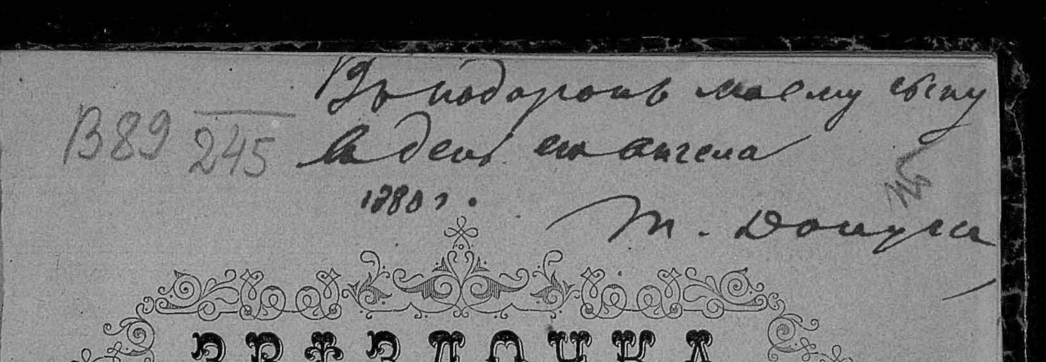

№ 8

ЗВѢЗДОЧКА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ДЛЯ ПОСТЕПЕННАГО ИЗУЧЕНІЯ РОДНАГО ЯЗЫКА

СОСТАВИЛЪ

Конст. Өедор. Петровъ.

> «Первое и важнѣйшее дѣло «развить практическую способ«ность, состоящую въ томъ, что«бы понимать выраженное фор«мами рѣчи и пользоваться ими «правильнымъ образомъ, т. е. «какъ говорятъ люди образован«ные».
>
> Буслаевъ.

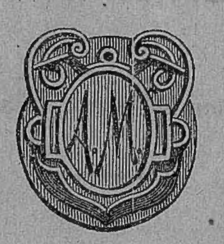
(ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ А. Г. МУЧНИКА.

1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, іюля 23 дня, 1880 г.

Типо-Литографія Дома Призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ, Лиговка, д. № 16.

Предисловіе.

Въ виду появленія въ послѣднее время многихъ хрестоматій, образовались разные взгляды на книгу „для класснаго чтенія". Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ составителей полагаютъ, что *книга для класснаго чтенія должна быть цѣлою библіотекою для крестьянскихъ дѣтей*, получающихъ образованіе въ народныхъ училищахъ. По моему же мнѣнію, книга для класснаго чтенія должна преслѣдовать одну и ту же цѣль какъ въ народныхъ училищахъ, такъ и въ городскихъ, гимназіяхъ и т. д. Выборъ статей, сообразно съ окружающею средою учениковъ различнаго сословія, можетъ отличаться, но цѣль остается одна и та же. Мнѣ кажется, что прежде всего надо научить дѣтей понимать прочитанное, передавать его, слѣдить за ходомъ мысли автора, составлять по образцамъ самому ученику небольшія повѣствованія, описанія, пріобрѣсти новый запасъ словъ, чувствовать красоты выраженій нашихъ лучшихъ писателей, полюбить ихъ, развить въ ученикѣ охоту къ чтенію и, наконецъ, сдѣлать его необходимымъ для всей жизни... Нѣкоторые говорятъ, что крестьянскому мальчику нечего говорить о коровѣ, о лошадкѣ и т. п.; онъ знаетъ о нихъ болѣе всякой книжки—хрестоматіи. Книжка для чтенія и не должна преслѣдовать подобную цѣль: въ самомъ дѣлѣ, она не можетъ сдѣлать ученика хорошимъ земледѣльцемъ, огородникомъ, свѣдущимъ садовникомъ и т. д. Странно было бы и требовать отъ нея такого всеобъемлющаго значенія; но она обратитъ вниманіе на то, что есть такія книжки, изъ которыхъ ученикъ, по окончаніи ученія, можетъ получить необходимыя познанія по любимому имъ предмету. Если же и помѣщались въ хрестоматіяхъ статьи о лошадкѣ да о коровкѣ, то совершенно, какъ мнѣ кажется, не съ тою цѣлію, чтобы сообщить ученикамъ свѣдѣнія объ этихъ животныхъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы дать имъ

болѣе или менѣе подходящій материалъ для бесѣдъ, *чтобы посредствомъ книги дать тѣ же свѣдѣнія объ окружающемъ*, *которыя они, очень можетъ быть, уже и получили непосредственно.*

Итакъ, если и помѣщались и помѣщаются въ хрестоматіяхъ статьи объ окружающей природѣ, то, по моему мнѣнію, не съ тою цѣлію, чтобы набить голову ученика отрывочными свѣдѣніями, которыя онъ скомкаетъ, перемѣшаетъ и, можетъ быть. (что самое важное) черезъ это во всю свою жизнь никогда не заглянетъ ни въ какую книжку. Вотъ почему мнѣ всегда казалось страннымъ, безцѣльнымъ напичкиваніе книжки для чтенія и всеобщей исторіей, и русской, и священной, и естественной, и географіей и т. д. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Г. Николенко, что *составить хорошую, дѣльную книгу для чтенія не можетъ одно лицо, какъ бы оно образовано ни было.* Надо, видите ли, *собрать всѣхъ специалистовъ по всѣмъ предметамъ и каждому поручить отдѣльную часть.* (См. Пособіе къ преподаванію русскаго языка. Часть 1-я). Очевидно, что г. Николенко полагалъ, что хрестоматія должна замѣнить или, по крайней мѣрѣ, дополнить изданія по всѣмъ наукамъ. Теперь, когда чуть ли не по каждому предмету существуетъ своя хрестоматія, подобный выборъ дѣлается совершенно напраснымъ, не идущимъ къ дѣлу. Составитель книжки для класснаго чтенія, по моему мнѣнію, почти не вноситъ въ міръ дитяти новыхъ свѣдѣній: онъ заботится только дать *образцы* статей, по которымъ дѣти могли бы выучиться *толково* читать и понимать прочитанное.

Обязанность составителя книжки для класснаго чтенія очень важна: отъ него отчасти зависитъ, пріобрѣтетъ ли ученикъ охоту къ дальнѣйшему образованію, къ дальнѣйшему развитію его способностей. Конечно, много и много зависитъ и отъ самаго преподавателя, который иногда самый плохой матеріалъ съумѣетъ оживить и такимъ образомъ нравственно подѣйствовать на душу уче-

ника. Но для чего же его затруднять, и иногда изъ преподаванія для него дѣлать настоящую каторгу, когда у насъ, слава Богу, много своихъ знаменитыхъ, славныхъ работниковъ книжнаго слова, своихъ Пушкиныхъ, Тургеневыхъ, Аксаковыхъ и т. д. Къ чему на шею преподавателя русскаго языка навьючивать еще преподаваніе всѣхъ предметовъ: много и много, и даже больше всѣхъ, онъ принесетъ пользы ужь только тѣмъ, что заставитъ ученика *полюбить* книжку. Впослѣдствіе же всѣ преподаватели вмѣстѣ дадутъ много матеріалу по каждому предмету. Относительно же крестьянскихъ дѣтей, обучающихся въ народныхъ школахъ, слѣдуетъ замѣтить то же самое: научите *читать*, но только не такъ, чтобы мальчикъ выкрикивалъ слова, но чтобы онъ *сознавалъ,* что читаетъ, *слѣдилъ бы* за ходомъ мысли автора. О, тогда вы сдѣлаете все для крестьянскаго мальчика; впослѣдствіе онъ самъ позаботится пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія, самъ прочитаетъ и о коровкахъ, и о Шипкѣ, и о славномъ Скобелевѣ.

Можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что приходится *самимъ* составлять статьи для чтенія только потому, что не находится у нашихъ авторовъ подходящаго матеріала. Поищите только, поройтесь, перечитайте писателей съ единственной цѣлью—найти въ нихъ то, что подходитъ къ дѣтскому міросозерцанію, и вы найдете многое, которое будетъ и полезно, и пріятно дѣтямъ. Въ своей книжкѣ я старался дать только то, что, по моему мнѣнію, можетъ содѣйствовать цѣли, которую я имѣлъ въ виду.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о расположеніи статей въ моей хрестоматіи. Я назвалъ ее „звѣздочкой"; я желалъ бы, чтобы она, какъ путеводная звѣзда, вела ученика къ предположенной цѣли. Пусть она будетъ первой звѣздочкой въ жизни дитяти: она научитъ его *толково* читать.

Порядокъ статей раздѣленъ по временамъ года, начиная съ осени, когда возобновляется ученіе, когда все небо уже покрывается звѣздочками. Но считаю нужнымъ замѣтить, что подобное рас-

предѣленіе статей нисколько не останавливало меня относительно помѣщенія отрывковъ различнаго содержанія; оно служило мнѣ какъ бы тропинкой, при переходѣ отъ легкаго къ трудному. Я убѣдился изъ опыта, что дѣти болѣе взрослыхъ находятся подъ вліяніемъ окружающей природы: они больше, нежели взрослые, ощущаютъ ея перемѣны. Я нарочно заставлялъ читать сказку „Морозко“ весною и она не производила на дѣтей почти никакого впечатлѣнія; между тѣмъ какъ та же сказка, прочитанная зимою, сосредоточивала все вниманіе дѣтей на каждомъ словѣ сказки.

Въ первыхъ трехъ отдѣлахъ помѣщены статьи болѣе легкія, а потомъ, къ концу, все труднѣе и труднѣе, такъ что преподаватель, если найдетъ нужнымъ, можетъ съ младшимъ отдѣленіемъ или классомъ пройти первыя, а съ болѣе старшимъ—вторыя.

Чтобы не сдѣлать уроки сухими, однообразными, наскучивающими ученикамъ, я распредѣлилъ такъ: сначала идетъ статья повѣствовательнаго содержанія, далѣе—описаніе, потомъ стихотвореніе и наконецъ басни. Я замѣтилъ, что въ *большею частью* хрестоматій преобладаетъ или только повѣствовательный, или описательный элементъ. Опытъ показалъ, что вмѣстѣ съ пересказомъ повѣствовательной статьи, что гораздо легче, слѣдуетъ пріучать мало по малу и къ пересказу описательной. Дѣти легко передадутъ содержаніе сказки, басни, и, случается, что не бываютъ въ состояніи передать небольшое описаніе. Вотъ почему я тотчасъ за повѣствованіемъ помѣстилъ и описаніе. Послѣдній же, четвертый отдѣлъ, какъ самый трудный, почти весь состоитъ изъ описательныхъ статей; онъ можетъ отчасти служить и для каникулярныхъ работъ ученика.

К. Ѳ. Петровъ.

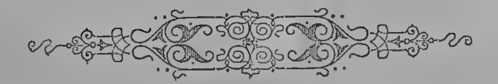
СПБ., 1-го Іюля 1880 г.

На небѣ мгла, нависли тучи,
Повсюду страшный мракъ царитъ,
И вѣтра свистъ въ поляхъ могучій
Несчастьемъ путнику грозитъ.
И онъ идетъ, главу понуря,
Идетъ куда-то на угадъ,
Согнувши станъ, и брови хмуря,
И искры свѣта былъ-бы радъ.
А искры нѣтъ.... Во мракѣ ночи,
Одна лишь тьма стоитъ кругомъ,
И пѣшеходъ на небо очи
Вперилъ, и свѣта ищетъ въ немъ.

Но вотъ съ небеснаго навѣса,
Изъ-за нависшихъ грозно тучъ,
Какъ-бы глянувъ изъ-за завѣса,
Блеснулъ волшебный свѣта лучъ....
То въ небѣ звѣздочка зажглася,
И въ дивной выси надъ землей
По тверди неба понеслася
Куда-то въ даль, борясь со тьмой....
И ожилъ путникъ одинокій,
Узрѣвъ на небѣ Божій свѣтъ:
Его звѣзда изъ тьмы глубокой
Ведетъ теперь на торный слѣдъ.

П. Ставискій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Три колача и одна баранка.

дному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ колачъ и съѣлъ; ему все еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой колачъ и съѣлъ; ему все еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій колачъ и съѣлъ, и ему все еще хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Тогда мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ: „Экой я дуракъ! что жъ я напрасно съѣлъ столько колачей? Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку.“

Толстой.

---

2. Ученый скворецъ.

У старичка-охотника былъ ученый скворецъ, который умѣлъ говорить. Къ охотнику часто приходилъ сынишка его сосѣда послушать чудную птицу. Особенно нравилось ему, какъ старичекъ, бывало, спроситъ: „гдѣ ты, скворушка?“ А скворецъ тотчасъ и крикнетъ: „здѣсь, дядюшка!“

Разъ мальчикъ приходитъ, а охотника нѣтъ въ комнатѣ. И задумалъ плутишка украсть рѣдкую птицу, схватилъ ее и проворно

сунулъ въ карманъ. Входитъ въ комнату старикъ. Не видя скворца, онъ спросилъ: „гдѣ же скворушка“?

— Здѣсь, дядюшка! крикнулъ изъ всей мочи скворецъ въ карманѣ воришки.

3. Что знаешь, о томъ не спрашивай.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу.—„Здорово“! —Здорово.— „А что везешь?“ —Дрова. „Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?“—А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: „а вѣдь и вправду, чего-жь я спрашивалъ?“

Даль.

4. Осень.

Видитъ солнышко,
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Кольцовъ.

5. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали;
„Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ.
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда? Мы пахали!“

Дмитріевъ.

6. Птичка Божія.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людямъ скучно, людямъ горе,—
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

---

7. Комаръ и левъ.

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: „Ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? какъ бы не такъ! какая въ тебѣ сила? что царапаешь ногтями и грызешь зубами?—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!“ И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь все лицо, изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: „Сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дряннаго паука погибаю.“

Толстой.

---

8. Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены. Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ, подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

Григоровичъ.

---

9. Осень.

Ласточки пропали,
А вчера, зарей,
Все грачи летали
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Лучше-бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу,
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь—по неволѣ,
Тяжело—хоть плачь...
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

Фетъ.

---

10. Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка западня,
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно-ль“, говоритъ: „средь бѣла дня
Попался.
Не провели бы такъ меня,
За это я ручаюсь смѣло“.
Анъ, смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

Крыловъ.

---

11. Знахарь.

Не даромъ говорится, что на ворѣ шапка горитъ.

Былъ, сказываютъ, знахарь, который взялся разъ искать, кто укралъ цѣлковый. Собравъ всю артель въ избу, онъ погасилъ огонь, накрылъ чернаго пѣтуха рѣшетомъ и велѣлъ всѣмъ поочередно подходить и, погладивъ пѣтуха осторожно по спинѣ, опять его накрыть: а какъ только воръ тронетъ его, то онъ-де закричитъ во весь голосъ.

„Всѣ ли подходили?“—Всѣ.—„И всѣ гладили пѣтуха?“—Всѣ.—А пѣтухъ и не думалъ кричать! „Нѣтъ,“ сказалъ знахарь, „тутъ что-нибудь да не такъ; подайте-ка огня, да покажите руки, всѣ разомъ!“ Глядь—у всѣхъ по одной рукѣ въ сажѣ, потому что знахарь чернаго пѣтуха вымазалъ сажей, а у одного молодца обѣ руки чисты.

„Вотъ онъ воръ!“ закричалъ знахарь, схвативъ бѣлоручку за воротъ.

Даль.

---

12. Мужикъ и Заяцъ.

Шелъ бѣдный мужикъ по чистому полю, увидалъ зайца, обрадовался и говоритъ: „Вотъ когда заживу домкомъ-то! Убью этого зайца плетью, возьму да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинушку: она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятокъ; поросятки выростутъ, принесутъ еще по двѣнадцати: я всѣхъ выкормлю, амбаръ мяса накоплю, мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ женюсь; родитъ мнѣ жена двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: „Эй вы, ребятки“, крикну, „Васька да Ванька! шибко людей работой не невольте! Видно сами бѣдно не живали!“ Да такъ громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой и съ дѣтьми пропалъ.

---

13. Изба лѣсника.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье; въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой срединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правою рукою качать люльку, а лѣвою поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ—сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

Тургеневъ.

---

14. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ,
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ.

Мнѣ грустно! Меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо подъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ.

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

Майковъ.

---

15. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись,
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;

Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко.
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну что-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.“

Крыловъ.

---

16. Левъ и собака.

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ. Одному человѣку захотѣлось посмотрѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собаченку и принесъ ее въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собаченку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣденье. Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ ее. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ. Левъ тронулъ ее лапой и перевернулъ. Собачка вскочила и стала передъ нимъ на заднія лапки. Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея. Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ легъ спать, собачка легла около него и положила свою голову ему на лапу. Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ. Левъ не трогалъ ея, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней...

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку. Онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ ему дать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять ее изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ. Такъ прожили левъ и собачка въ одной клѣткѣ цѣлый годъ. Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла.

Левъ перестал ѣсть, а все нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ ее лапой. Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ. Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ легъ подлѣ мертвой собаки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мертвую собачку, но левъ никого не подпускалъ къ ней. Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку; но левъ тотчасъ разорвалъ ее на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мертвую собачку и такъ лежалъ пять дней. На шестой день левъ умеръ.

Толстой.

17. Лѣсъ осенью.

Какъ лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы. Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осеннiй запахъ, подобный запаху вина; тонкiй туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣднiе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокiя, сухiя былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ.

А осеннiй, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ; когда низкое солнце ужъ не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой; изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а нѣжный вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшiе, покоробленные листья; когда по рѣкѣ радостно мчатся синiя волны, мѣрно вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней.

Тургеневъ.

18. Осеннiй лѣсъ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ;
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать.
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣднiй орѣхъ,
Свянулъ послѣднiй цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.
Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою;
Только я веселъ душой
И какъ безумный пою.

Майковъ.

---

19. Стрекоза и муравей.

Попрыгунья-стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ,
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она.
—„Не оставь меня, кумъ милый;
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй“!
—„Кумушка, мнѣ странно это;
Да работала-ль ты въ лѣто?“
Говоритъ ей муравей.
—„До того-ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ,
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ, что голову вскружило“.
—„А, такъ ты“...—„Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла“.
—„Ты все пѣла?—это дѣло;
Такъ поди же, попляши!“

Крыловъ.

20. Счастливый человѣкъ.

Одинъ царь былъ боленъ и сказалъ: „Половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ.“ Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ вылѣчить царя. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что царя можно вылѣчить. „Если найти счастливаго человѣка,“ сказалъ онъ, „снять съ него рубашку и надѣть на царя,—царь выздоровѣетъ.“ Царь и послалъ искать по всему царству счастливаго, но не было ни одного такого, который былъ бы всѣмъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да

бѣденъ; кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша, или дѣти не хороши—всѣ на что нибудь да жалуются. Одинъ разъ поздно вечеромъ идетъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему, кто-то говоритъ: „вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?“ Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, рубашку же отнести къ царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рабашку, но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было рубашки.

Толстой.

21. Судъ.

Какой-то бурлакъ, на возвратномъ пути на родину, издержалъ всѣ заработанныя деньги. Забрелъ въ деревушку, присталъ у знакомаго мужика Пахома и выпросилъ у него взаймы дюжину вареныхъ яицъ. Яйца съѣлъ за ужиномъ, а поутру ушелъ въ дорогу. Прошло не мало времени, а бурлакъ долга своего не платитъ. Вотъ Пахомъ написалъ на него челобитную и подалъ въ управу, а въ той челобитной было сказано: „занялъ де бурлакъ у меня двѣнадцать вареныхъ яицъ и доселева не отдаетъ, отчего причинилъ мнѣ великіе убытки. Изъ дюжины яицъ вывелось бы у меня двѣнадцать цыплятъ; тѣ цыплята выросли бы большими курами и каждая снесла бы мнѣ по малой мѣрѣ по сотнѣ яицъ; изъ тѣхъ яицъ вывелись бы новыя цыплята..“—и такъ дальше, насчиталъ на бурлака большущую сумму. Бурлакъ съ горя завернулъ въ кабакъ; а на ту пору былъ тамъ отставной приказный крючекъ; разспросилъ его про дѣло и вызвался помочь ему за полштофа водки. Бурлакъ выставилъ полштофа и тотчасъ же вмѣстѣ роспили. Старшина послалъ звать отвѣтчика на судъ; бурлакъ говоритъ: „я де за себя нанялъ приказнаго, онъ будетъ на судѣ отвѣтъ держать“. Старшина ждалъ-ждалъ, насилу дождался того приказнаго и закричалъ на него: „чтожъ ты такъ долго на судъ не являлся?“—Горохъ варилъ, отвѣчалъ крючекъ; хочу въ огородѣ садить,

да стручьями торговать.—Старшина засмѣялся: „экой дуракъ! развѣ можно, чтобъ вареный горохъ уродился?“—А развѣ можно, чтобъ изъ за вареныхъ яицъ цыплята выводились?—Тутъ вся управа въ одно слово рѣшила отказать Пахому въ его челобитьи.

---

22. Похороны.

Наступилъ этотъ печальный и торжественный день. Всѣ поднялись рано; началась бѣготня и безпрестанное хлопанье дверями. Когда мы пришли, ранѣе обыкновеннаго, пить чай въ бабушкину горницу, то всѣ тетушки и бабушки были уже одѣты въ дорожныя платья; у крыльца стояло нѣсколько повозокъ и саней, запряженныхъ гусемъ. Дворъ и улица были полны народу: не только сошлись свои крестьяне и крестьянки, отъ стараго и до малаго, но и окольныя деревни собрались проститься съ моимъ дѣдушкой, который былъ всѣми уважаемъ и любимъ, какъ отецъ.

Когда все было готово и всѣ пошли прощаться съ покойникомъ, то въ залѣ поднялся вой, громко раздававшійся по всему дому: я чувствовалъ сильное волненіе, но уже не отъ страха, а отъ темнаго пониманія важности событія, жалости къ бѣдному дѣдушкѣ и грусти, что я никогда его не увижу. Двери въ домѣ были вездѣ настежь, вездѣ сдѣлалась стужа, и мать приказала Парашѣ не водить сестрицу прощаться съ дѣдушкой, хотя она плакала и просилась. И такъ мы только трое остались въ бабушкиной теплой горницѣ. Вдругъ поднялся глухой шумъ и топотъ множества ногъ въ залѣ, съ которымъ вмѣстѣ двигался плачъ и вой; все это прошло мимо насъ... и вскорѣ я увидѣлъ, что съ крыльца, какъ будто на головахъ людей, спустился деревянный гробъ; потомъ, когда тѣсная толпа раздвинулась, я разглядѣлъ, что гробъ несли мой отецъ, двое дядей и старикъ, Петръ Ѳедоровъ, котораго самого вели подъ руки; бабушку также вели сначала, но скоро посадили въ сани, а тетушка и маменька шли пѣшкомъ; многіе, стоявшіе на дворѣ, кланялись въ землю. Медленно двигаясь, толпа вы-

шла на улицу, вытянулась во всю ея длину и наконецъ скрылась изъ моихъ глазъ. Стоя на стулѣ и смотря въ окошко, я плакалъ отъ глубины души, исполненной искренняго чувства любви и умиленія къ моему дѣдушкѣ, такъ горячо любимому всѣми.

Аксаковъ.

---

23. Осень.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ,
Гусей караванъ крикливыхъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ,
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва
И, въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

Пушкинъ.

---

24. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя-ли", говоритъ: „помочь бѣдѣ моей?"
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ."
Сватъ Климычъ говоритъ: „впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить".
„Эхъ братцы, это все не такъ,"
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любаго
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить."
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ;

Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ:
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

Крыловъ.

25. Шутъ Балакиревъ.

Одинъ родственникъ Балакирева попалъ подъ гнѣвъ Государя, который отдалъ его подъ судъ и уже утвердилъ приговоръ судей. Является Балакиревъ съ грустнымъ видомъ. Государь, понявъ, зачѣмъ онъ явился, обращается къ присутствующимъ и говоритъ: „Я знаю, зачѣмъ идетъ ко мнѣ Балакиревъ, но я даю мое слово, что я не сдѣлаю того, о чемъ онъ будетъ просить меня.“ Тогда Балакиревъ подступилъ къ нему и сказалъ: „сдѣлай милость, Алексѣичъ! не прощай этого бездѣльника, моего родственника“.—„Ахъ ты, плутъ!“ вскричалъ Петръ, „каково же онъ поддѣлъ меня!“—и на другой день объявилъ прощеніе осужденному.

26. Осенній вѣтеръ.

Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень! Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетнымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное? Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку, и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды си-

зыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже ласковою рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра мѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою.

И вотъ снова, какъ-бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце, ненастье и слякоть его сопровождающія, прискучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ непогодамъ.

Григоровичъ.

---

27. Дядюшка Яковъ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова—
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу,
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно, и сытъ, слава Богу!
Пусто въ деревнѣ, ему ничего,
Знаетъ гдѣ люди: и куплю, и мѣну.
На полосахъ поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что полюбится—на!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ, кричитъ то и знай:
    По грушу, по грушу!
    Купи, смѣняй!...

Стой, старина! Старика обступили
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили—
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня предъ носомъ сусальнаго—
Конь заглядѣнье и лакомъ кусокъ...
Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ѣшь, паренекъ!
Жалко дѣвочку, сиротку Ѳеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...

По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!
У дядюшки, у Якова
Про бабъ товару всякаго.
Ситцу хорошаго—
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны-дѣвицы;
Тетушки, сестры,
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все—чего надо!

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Ленъ и полотна, и пряжу несутъ.
Стойте, не вдругъ! бѣлены вы объѣлись!
Тише, поспѣете! Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда-бы,
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаются, только держись:

— Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись.

—Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь, бери, а не хочешь—прощай.

По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!
И букварей таки много купили—
Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны четко—
То-то дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!
Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ, торгуй, наживай!
По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!

Некрасовъ.

---

28. Свинья подъ Дубомъ.

Свинья подъ Дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
—„Вѣдь это дереву вредитъ",
Ей съ Дубу воронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ".
—„Пусть сохнетъ", говоритъ Свинья,
„Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я:
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были-бъ желуди; вѣдь я отъ нихъ жирѣю".

—„Неблагодарная!“ промолвилъ Дубъ ей тутъ:
„Когда-бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ ростутъ“.

Крыловъ.

---

29. Былина о царѣ Петрѣ.

Наѣхалъ царь въ лѣсу на мужика; мужикъ дрова сѣчетъ. И говоритъ ему царь: „Божья ти помощь крестьянствовати!“— Мнѣ-ка надо Бога на помощь!—„А велико ли у тебя, старичекъ, семейство?“—А семейство у меня двѣ дочери да два сына.—„Не велико твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?“—Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ третьихъ въ воду мечу.—Царь призадумался: что бы это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ:—Въ долгъ даю—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу—стараго отца и мать кормлю, а въ воду мечу—двухъ дочерей кручу.—„Ну, говоритъ ему царь, умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю“.—Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—„Этой я грамоты, говоритъ царь, не знаю. Ты меня сведи“.—А мнѣ сударь въ крестьянствѣ день дорого стоитъ.—„Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу“.—А заплатишь, такъ поѣдемъ.

Сѣли они въ одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: „Далече-ль, мужичекъ, бывалъ?“—Кое-куда бывалъ, сударь.—„А видалъ-ли царя?“—Царя не видалъ, а надо бы посмотрѣть: согласился бы и помереть.—„Такъ смотри, въ степяхъ царь будетъ“.—А какъ я царя узнаю?—„Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ“. Какъ пріѣхали въ степь, увидали люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ

бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:—„Кто же царь?“—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „Видно, кто нибудь изъ насъ царь!“.

---

30. Молотьба.

«А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ бабы молотятъ дикушу (гречу)?» спросилъ отецъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали. Еще издали заслышали мы глухой шумъ, похожій на топотъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками крикливыхъ женскихъ голосовъ. «Вишь орутъ», сказалъ, смѣясь, Евсеичъ: «ровно наслѣдство дѣлятъ! Вотъ оно, бабье то царство!» Шумъ и крикъ увеличивался, по мѣрѣ нашего приближенія,—и вдругъ затихъ. Евсеичъ опять разсмѣялся, сказавъ: «а, увидали, сороки!» На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный; на немъ, высокою грядой, лежала гречневая солома, по которой ходили взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между-тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ. Такое искусство казалось мнѣ непостижимымъ! Чтобъ не прерывать работы, отецъ не здоровался, покуда не кончили полосы или ряда. Подошедшій къ намъ десятникъ сказалъ: „послѣдній проходъ идутъ, батюшка Алексѣй Степанычъ. И давича была, почитай, чиста солома, да я велѣлъ еще разокъ пройти. Теперь ни зернышка не останется“. Когда дошли до края, мы оба съ отцомъ сказали обычное «Богъ на помочь!» и получили обыкновенный благодарственный отвѣтъ многихъ женскихъ голосовъ. На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянь и тощія, легкія зерна, а полныя и тяжелыя

косымъ дождемъ падали на землю; другой крестьянинъ отметалъ метлою ухвостье и всякій соръ.

Аксаковъ.

---

31. Наводненіе 1824 года 7-го Ноября.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужь настаетъ....
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь, остервенясь:
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,

Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?

Пушкинъ.

---

32. Охота съ острогой.

Ложится тихо ночи тѣнь...
Луга росой уже покрыты,
И тонутъ въ сумракѣ поля
И прибережныя ракиты.
На берегу рѣки костеръ
Въ кустахъ разложенный пылаетъ
И воды дремлющія онъ
Багровымъ свѣтомъ озаряетъ.
Передъ костромъ старикъ-рыбакъ
Справляетъ лодку съ старшимъ внукомъ,
Не нарушая тишины
Ни громкимъ говоромъ, ни стукомъ.
А младшій внукъ, живой шалунъ,
Бросая сучьями сухими
Въ костеръ, любуется тайкомъ,
Какъ искры тонутъ въ черномъ дымѣ.
Вдругъ громко вымолвилъ старикъ:
„Ванюша, полно баловаться!
Скорѣй неси сюда смолье,
Пора на ловлю отправляться.“
И мальчикъ весело вскочилъ
И торопливо заметался,

Собралъ лучину и смолье,
И къ лодкѣ спущенной помчался.
Ночная ловля для него
Была завѣтною мечтою,—
И дѣдъ сегодня въ первый разъ
На лодку бралъ его съ собою.
„Садись, пострѣлъ,—сказалъ рыбакъ
Съ усмѣшкой тихо мальчугану,—
Да, чуръ, молчи! а то сейчасъ
Изъ лодки вонъ, шутить не стану!"
Такъ пригрозилъ ему старикъ,
Глядя въ лицо малютки кротко,
И расторопный мальчуганъ
Съ веселымъ смѣхомъ прыгнулъ въ лодку.
И рыбаки, перекрестясь,
На ловъ отправились въ ночную;
Лучильникъ къ лодкѣ привинтивъ,
Зажгли лучину смоляную.
Рѣкою лодка тихо шла.
Верхушки ивъ зеленыхъ рдѣлись,
Валежникъ, рыба, камни, пни,
Какъ на полу, на днѣ виднѣлись.
Вотъ старику проворный внукъ,
Кивнулъ кудрявой головою,
И лодка стала. Острогà
Взвилась и скрылась надъ водою,
Еще мгновенье—и у ногъ
Малютки рыба очутилась.
Какъ извивалася она,
Какъ на зубцахъ рвалась и билась!
Глядитъ на рыбу мальчуганъ,
Чуть-чуть отъ жалости не хныча.
Но рыбакамъ не до того,
Чтобы жалѣть свою добычу.
Прибралъ ее сѣдой рыбакъ,
А ловкій внукъ ужъ цѣлитъ снова,
И на зубчатой острогѣ
Добыча новая готова.

Суриковъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

53. Русскій и Татаринъ.

Русскій и Татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ; сварили они кашу, поѣли и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У Русскаго лошадь была сивая да плохая, у Татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Русскій говоритъ Татарину: „мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь, я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою черную“. Татарину не хотѣлось караулить; онъ промѣнялъ свою лошадь Русскому. Русскій взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ Татариномъ: „теперь, говоритъ, я вовсе не буду караулить своей черной лошади: придетъ воръ—моей чер-

ной лошади не найдетъ въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ увидитъ и украдетъ".

Пришло село. Татаринъ съ Русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго была у нихъ только одна курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному—кому достанется по договору. Татаринъ и говоритъ: „давай, Русскій, спать, и кто увидитъ лучшій сонъ, тому и курицу ѣсть". Вотъ легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ—а Русскій съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ Русскаго, и спрашиваетъ, что видалъ во снѣ? Русскій заставилъ впередъ Татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: „Ахъ, Русскій! хорошъ сонъ я видѣлъ: будто бы меня взяли на небо; на небѣ я видѣлъ много духовъ: какъ тамъ хорошо!"— Ну, говоритъ Русскій, а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо—подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то".—Бѣдный Татаринъ остался безъ всего, не захотѣлъ странствовать съ Русскимъ и ушелъ отъ него.

Даль.

---

34. Зима.

Но вотъ пришла наконецъ и зимняя Матрена (9-го ноября), поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ желѣзныхъ горъ. Рѣка стала. Рѣзко застучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахрамою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпою выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрыпучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и

полу-занесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ послѣдній разъ въ лѣсъ за валежникомъ, или нужда велитъ идти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Катко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ; нетерпѣливо выглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль.... „Прочь съ дороги!" Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшечкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но кляча сама почуяла стойло, и во всю скачь помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и пораспр авить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени!

Григоровичъ.

---

35. Зима.

Зима.. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя вздымая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

Пушкинъ.

---

36. Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на-показъ—
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ—
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Откелѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,

Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться,“
Ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.“
—„Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!“

Крыловъ.

---

37. Вотъ такъ одурачилъ!

Пріѣхалъ Грицько въ Москву и остановился у колокольни Ивана Великаго да и считаетъ галокъ, а на ту бѣду идетъ москаль да и спрашиваетъ Грицько: „что ты, хохолъ, дѣлаешь?“—Галокъ считаю, господинъ служба!—„Какъ? что? галокъ считаешь!“—Эге!—„Какъ же ты смѣешь казенныхъ галокъ считать—а?“—А развѣ онѣ взаправду казенныя?—„А ты, безмозглый, и этого не зналъ! пойдемъ въ полицію“.—Да за что, господинъ служба, въ полицію?—„Какъ за что? за галокъ“.—Да помилуйте!—„Что тутъ съ тобою толковать! Пойдемъ, говорятъ; а не то за шивороть потащу!“—Да помилуйте! можетъ быть, вамъ денегъ нужно?—„А сколько ты галокъ насчиталъ?“—Да всего только два десятка.—„По гривнѣ за штуку!“—Извольте, только помилуйте! Полѣзъ въ карманъ Грицько, досталъ горсть мѣдныхъ денегъ, отсчиталъ москалю два рубли, да скорѣе отъ него прочь, прибѣжалъ къ своимъ, да и смѣется. „Чего ты смѣешься?“ спрашиваютъ его ребята.—Кхи, кхи, кхи! вотъ одурачилъ москаля; говорятъ, что

москаля не одурачишь: я насчиталъ галокъ, можетъ, сотни съ двѣ, а сказалъ ему только двадцать.

---

38. Ловля лучкомъ.

Евсеичъ выучилъ меня крыть лучкомъ птичекъ; въ нашемъ саду и огородѣ было ихъ очень много. Маленькій снѣжокъ покрывалъ уже землю; Евсеичъ расчистилъ точокъ и положилъ на него приваду изъ хлѣбной мякины и ухвостнаго конопляннаго сѣмени. Голодныя птички очень обрадовались корму, котораго доставать имъ уже было трудно, и дня въ три привыкли летать на приваду. Тогда Евсеичъ поставилъ позади точка лучокъ, обтянутый сѣткой, привязалъ къ нему веревочку и протянулъ ее сквозь смородинный кустъ, за которымъ легко было притаиться одному человѣку, или даже двоимъ. Когда птички привыкли къ лучку, стали смѣло возлѣ него садиться и клевать зерна, Евсеичъ привелъ меня осторожно къ кусту, сквозь голыя вѣтки котораго было видно все, что дѣлается на точкѣ. „Наклонись, соколикъ, и нишкни", шепотомъ говорилъ Евсеичъ, присѣвъ на корточки. „Вотъ какъ налетятъ птички получше, — а теперь все сидятъ бѣски да чечотки — тогда ты возьми за веревочку, да и дерни. Птичекъ-то всѣхъ и накроетъ лучкомъ, а мы съ тобой хорошенькихъ то выберемъ да въ клѣточки и посадимъ". Я готовъ былъ все исполнять; черезъ нѣсколько времени Евсеичъ сказалъ мнѣ: „ну, бери веревочку, дергай!" Дрожа отъ радостнаго нетерпѣнія, я дернулъ изо всей мочи, и мы, вскочивъ изъ-за куста, прибѣжали къ лучку. Я дернулъ неудачно, слишкомъ сильно, такъ что лучокъ сорвался съ мѣста однимъ краемъ и покрылъ только половину точка; но все-таки нѣсколько птичекъ билось подъ сѣткой, и мы, взявъ пару щеглятъ, чижика и бѣленькаго бѣсочка, побѣжали домой со своей добычей. Евсеичъ бѣжалъ также, какъ и я. И вотъ чѣмъ былъ неоцѣненный человѣкъ Ефремъ Евсеичъ: онъ во всякой охотѣ горячился не меньше меня!...

Аксаковъ.

---

39. Зима.

Гдѣ сладкій шепотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.

Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ.
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ,
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

---

40. Медвѣдь пріѣзжаетъ на дровняхъ въ деревню.

Мужикъ поѣхалъ зимою въ лѣсъ по дрова. Медвѣдь, котораго, видно, кто-то поднялъ съ берлоги, и который поэтому бродилъ, сердитый и голодный, по лѣсу, подошелъ сзади къ дровнямъ,—между тѣмъ какъ мужикъ рубилъ въ сторонѣ хворостъ,— и кинулся прыжкомъ на лошадь; та дернула впередъ, понесла; и такъ, Мишка не попалъ на лошадь, а попалъ въ дровни. Испуганная лошадъ мчала его, сломя голову, а онъ, оглядываясь, по сторонамъ, струсилъ, не рѣшаясь соскочить, и потому ревѣлъ и безуспѣшно хватался лапами за кусты. Лошадь промчала его черезъ старое кладбище, и Мишукъ со страха хотѣлъ-было ухватиться за наклонившійся крестъ; но крестъ остался у него въ лапахъ, и Мишка въ недоумѣніи, оборачивая его во всѣ стороны, пріѣхалъ съ нимъ прямо къ крестьянину на дворъ. Къ этому прибавляютъ, будто нашъ Мишка этимъ нечаяннымъ происшествіемъ такъ былъ озадаченъ, что мужики успѣли окружить его и навсегда отучить отъ такихъ продѣлокъ.

Даль.

---

41. Мой садокъ.

Я скоро выучился крыть хорошо; а какъ мнѣ жалко было выпускать пойманныхъ птичекъ, то я, кромѣ клѣтокъ, насажалъ

ихъ множество въ пустой садокъ, обтянутый сѣткою, находившійся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца, гдѣ лѣтомъ жили мои голуби, зимовавшіе теперь по дворовымъ избамъ, въ подпечкахъ. У меня сидѣли въ садкѣ бѣлые, голубые и зеленые бѣски или синицы, щеглята, чижи, овсянки и чечотки. Я поставилъ имъ водопойку, а когда вода замерзала, то клалъ снѣгу; поставилъ двѣ небольшія березки, на которыхъ птички сидѣли и ночевали, и навалилъ на полъ всякаго корма. Смотрѣть въ этотъ садокъ, любоваться живыми и быстрыми движеніями миловидныхъ птичекъ и наблюдать, какъ онѣ ѣдятъ, пьютъ и ссорятся между собой—было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Иногда, не довольно тепло одѣтый, я не чувствовалъ холода наступающаго ноября и готовъ былъ цѣлый день простоять, прислонивъ лицо къ опушенной инеемъ сѣткѣ, если мать не присылала за мною, или Евсеичъ не уводилъ насильно въ горницу.

Аксаковъ.

---

42. Зима.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Берега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою.
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

Пушкинъ.

---

43. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;

На чистомъ полѣ уложили—
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ,
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба! ты, косой!“
Кричатъ ему, „пожаловалъ отколь?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.“
—„Вотъ, братцы!“ Заяцъ отвѣчалъ,
„Да изъ лѣсу-то кто жъ?—все я его пугалъ
И къ вамъ поставилъ въ поле
Сердечнаго дружка“.
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Крыловъ.

---

44. Воинъ.

„Гдѣ это ты былъ? спросилъ Никифоръ Степана, что тебя такъ долго не было видно?“—Ге, у татарвы!—„У татарвы, зачѣмъ?“—Воевать ходилъ.—„А что, зарубилъ ты хоть одного татарина?“—А то и нѣтъ?—„А какъ же ты его зарубилъ?“—Да такъ: иду себѣ полемъ и бренчу саблей, глядь—подъ вербою лежитъ здоровенный татаринъ и руки раскинулъ. Вотъ я подкрался да изъ-за вербы ему одну руку и отсѣкъ саблей, а онъ лежитъ; я ему другую отсѣкъ, а онъ все лежитъ!—„Э, глупый же, ты, Степанъ, сказалъ Никифоръ; ты бы ему голову напередъ отсѣкъ.“—Ге, сказалъ Степанъ, я и самъ такъ думалъ; да головы не было.

---

45. Васильевъ вечеръ.

....Да, по истинѣ, это была страшная ночь! Всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ, непреклонномъ голосѣ бури. Вьюга съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Ревъ вѣтра, то глухой, то свирѣпый и пронзительный, гудѣлъ на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ весь этотъ грохотъ мятели падалъ какъ бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой,—воцарялось молчаніе... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы, и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основаній. Старики говорили правду: такая ночь могла только выпасть на долю *Васильеву вечеру!* Но что до этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка, гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріютно!

Тамъ шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припасенныя про случай хлѣбныя зерна, и звонко распѣвая; „Уроди, Боже, всякаго хлѣбца, по закорму, что закорму да по великому, а стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный“!

Въ другой избѣ крики и хохотъ раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванною понявой. Одна изъ дѣвушекъ, самая вострая,—стоитъ на-слуху въ сѣняхъ: не идетъ ли кто. Остальныя заняты дѣломъ: кто навязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую голову неуклюжей шапкой, обтыканной, ради смѣха, льняными прядями, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину, вывороченную на изнанку;—это наряженыя. Хохотъ, визгъ, шушуканье не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить Васильевъ вечеръ!

Въ третьей избѣ громкій говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые—всѣ пришн-

пились. Тамъ подъ сладкій шумокъ веретена и прялки тянутся мѣрные разсказы старика—дѣда. Семейка сѣла въ кружокъ, и пригнувшись къ одной лучинѣ, не пропускаетъ ни одного движенія разскащика. Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся однакожь за полночь. Лучина скоро угаснетъ... И тогда вся семья предастся мирному отдыху, ни мало не заботясь, что вьюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома...

Григоровичъ.

---

46. Матушка-зима.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ,
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи......
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца......
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый;
Съ снѣгомъ—батюшка-морозъ
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.....
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима.

Вяземскій.

---

47. Зеркало и Обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
„Смотри-ка,“ говоритъ: „кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь, признайся, есть

Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть."
—„Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?"
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Крыловъ.

---

48. Смѣтливый мужикъ.

Жилъ, былъ бѣдный мужикъ; дѣтей много, а добра—всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся; да голодъ не тетка: до того дошло, что ѣсть нечего. Вотъ мужикъ и зарѣзалъ гуся, зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говоритъ хозяинъ своей женѣ: „Какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли! Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба."—Ну что-жъ? съ Богомъ!—Приходитъ къ барину: „Принесъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй, родимый!»—Спасибо, мужичекъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежъ насъ безъ обиды. А у того барина была жена да два сына, да двѣ дочреи—всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину. «Ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ.» Отрѣзалъ гузку, даетъ барынѣ: „тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!" Отрѣзалъ ноги—даетъ сыновьямъ: „а вамъ по ножкѣ, топтать отцовскія дорожки!" Дочерямъ далъ по крылышку: „вамъ съ отцомъ, съ матерью не долго жить; выростете—прочь улетите. А я, говоритъ мужикъ, глупъ, мнѣ глодать хлупъ!" Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой.

Услыхавъ про то, богатый мужикъ позавидовалъ бѣдному; взялъ—зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. „Что

тебѣ, мужичекъ?“ спрашиваетъ баринъ.—Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ. „Спасибо, братецъ! ну-ка, раздѣли промежъ насъ безъ обиды.“ Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь по-ровну! стоитъ, да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: „вы теперь, сударь, самъ третей!“ Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго—двумъ дочерямъ: „и вы теперь самъ третей!“ Остальную пару гусей взялъ себѣ: „вотъ и я самъ третей!“ Баринъ говоритъ: „вотъ молодецъ, такъ молодецъ! съумѣлъ всѣмъ по-ровну раздѣлить, и себя не забылъ“. Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ.

49. Катанье съ горъ въ деревнѣ.

Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла масляница и началось катанье съ горъ. Деревенскіе мальчики и дѣвочки, раскраснѣвшись отъ движенія и холода, смѣло летѣли съ высокой горы, прямо отъ гумна, на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки ничто иное, какъ старыя рѣшета, или лукошки, подмороженныя снизу, какъ и коньки. Шумный говоръ и смѣхъ раздавались въ бодрой, веселой толпѣ, часто одѣтой въ фантастическіе костюмы,—особенно когда летѣли вверхъ ногами наѣздники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какою-нибудь дѣвчонкой, которая начинала визжать задолго до крушенія экипажа.

Аксаковъ.

50. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты—
Глушь и снѣгъ... на встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Пушкинъ.

---

51. Набитый дуракъ.

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитый. Бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ: бывало, куда дуракъ соберется идти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то!

Вотъ, однажды пошелъ дуракъ мимо гуменъ и увидалъ: молотятъ горохъ. Онъ и закричалъ: „Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна.“ Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопитъ: „Матушка, матушка! били меня, колотили меня!“—За что?—„Вотъ, я шелъ мимо Дормидонтинова гумна, а на гумнѣ семейные его молотили горохъ.“—Ты что же, дитятко?—„Да я имъ и сказалъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили.“—Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: „Возить вамъ—не перевозить, носить—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу.

Вотъ, на встрѣчу ему несутъ покойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, закричалъ во весь голосъ: „Носить вамъ—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Опять отколотили его. Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили.—Ты бы, дитятко, сказалъ имъ; „Канунъ да ладанъ!“ Эти слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ.

На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ ѣдетъ

ему на встрѣчу свадьба. Какъ только она поравнялась съ дуракомъ, онъ откашлялся и закричалъ: „Канунъ да ладанъ!“ Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: „Охъ, мать моя родимая! какъ больно прибили меня!“—За что, дитятко?—Дуракъ разсказалъ.—А ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ.—„Спасибо тебѣ, матушка моя.“

Ушелъ онъ опять на село и взялъ съ собою дудочку. Вотъ на концѣ села занялся овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда, забѣжалъ противъ овина и ну плясать и играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ пришелъ опять къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать и говоритъ: „Ты бы, дитятко, взялъ воды да заливалъ съ ними“.

Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, подбѣжалъ къ мужику и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать закаялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ и понынѣ дуракъ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

---

52. Ловля тенетами.

Снѣгъ выпадалъ постепенно почти каждую ночь, и каждое утро была отличная погода. Отецъ очень любилъ сходить съ ружьемъ по слѣду русаковъ и охотился иногда за ними; но, къ сожалѣнію, онъ не бралъ меня съ собой, говоря, что для меня это будетъ утомительно и что я буду ему мѣшать. За то, чтобъ утѣшить меня, онъ приказалъ Тайначенку верхомъ объѣхать русака и взялъ меня съ собою, чтобы при мнѣ поймать зайца тенетами. Часа за два до обѣда мы съ отцомъ въ санкахъ пріѣхали къ верховью пруда. „Вотъ гдѣ лежитъ русакъ, Сережа!“ сказалъ мой

отецъ и указалъ на гриву желтаго камыша, проросшую кустами и примыкавшую къ крутцу. „Русакъ побѣжитъ въ гору, и потому все это мѣсто обметано тенетами. Видишь ихъ, какъ они висятъ на кустикахъ? Ну, смотри же, что будутъ дѣлать.“ Народу было съ нами человѣкъ двадцать: одни зашли сзади, а другіе съ боковъ, и такимъ образомъ, подвигаясь впередъ полукругомъ, принялись шумѣть, кричать и хлестать холудинами по камышу. Въ одну минуту вылетѣлъ русакъ; какъ стрѣла покатилъ въ гору, ударился въ тенета, вынесъ ихъ впередъ на себѣ съ сажень, увязилъ голову и лапки, запутался и вертѣлся въ сѣткѣ. Люди кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ къ попавшему зайцу, я также кричалъ во всю мочь и бѣжалъ изо всѣхъ силъ. Что за красавецъ былъ этотъ старый русакъ! Черные кончики ушей, черный хвостикъ, желтоватая грудь и переднія ноги, и пестрый въ завиткахъ ремень по спинѣ.... Я задыхался отъ восторга, самъ не понимая его причины.

Аксаковъ.

---

55. Мужичокъ съ ноготокъ.

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу—поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
—Здорово, парнище!—„Ступай себѣ мимо!“
—Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?—„Изъ лѣсу, вѣстимо,
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу“.
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
—А что, у отца-то большая семья?—
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я“...

—Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя?—„Власомъ".
—А кой тебѣ годикъ?—„Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!" крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Некрасовъ.

54. Любопытный.

„Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?"
—„Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ,
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!"
„А видѣлъ ли слона?—„Каковъ собой на взглядъ?"—
„Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?"
—„Да развѣ тамъ онъ?"—„Тамъ".—„Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ".

Крыловъ.

55. Проказы старухи-зимы.

Разозлилась старуха зима: задумала всякое дыханіе со свѣта сжить. Прежде всего она стала до птицъ добираться: надоѣли онѣ ей своимъ крикомъ и пискомъ.

Подула зима холодомъ, посорвала листья съ лѣсовъ и дубравъ и разметала ихъ по дорогамъ. Некуда птицамъ дѣваться: стали

онѣ стаями собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетѣли за высокія горы, за синія моря, въ теплыя страны. Остались одни воробьи, и тѣ подъ стреху забились.

Видитъ зима, что птицъ ей не догнать: накинулась на звѣрей. Запорошила снѣгомъ поле, завалила сугробами лѣса; одѣла деревья ледяной корой и посылаетъ морозъ за морозомъ. Идутъ морозы свирѣпые, съ елки на елку перескакиваютъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ, звѣрей запугиваютъ. Не испугались звѣри: у однихъ шубы теплыя, другіе въ глубокія норы запрятались; бѣлка въ дуплѣ орѣшки грызетъ, медвѣдь въ берлогѣ лапу сосетъ, заенька, прыгая, грѣется; а лошадки, коровки, овечки давнымъ-давно въ теплыхъ хлѣвахъ готовое сѣно жуютъ, теплое пойло пьютъ.

Пуще злится зима—до рыбъ добирается: посылаетъ морозъ за морозомъ, одинъ другого лютѣе. Морозы бойко бѣгутъ, молоточками постукиваютъ, безъ клиньевъ, безъ подклиньевъ, по озерамъ, по рѣкамъ мосты строятъ. Замерзли озера и рѣки, да только сверху; а рыба вся въ глубь ушла, подъ ледяной кровлей ей еще теплѣе.

Ну, постой же, думаетъ зима, дойму я людей,—и шлетъ морозъ за морозомъ, одинъ другого злѣе. Заволокли морозы узорами оконницы въ окнахъ, стучатъ въ стѣны и въ двери такъ, что бревна трещатъ. А люди затопили печи, пекутъ себѣ блины горячіе, да надъ зимою посмѣиваются. Случится кому за дровами въ лѣсъ ѣхать, надѣнетъ онъ тулупъ, валенки, рукавицы теплыя, да какъ примется топоромъ махать, такъ даже потъ прошибетъ. По дорогамъ, словно на смѣхъ зимѣ, потянулись обозы, отъ лошадей паръ валитъ; извощики ногами потаптываютъ, рукавицами похлопываютъ, плечами передергиваютъ, морозы похваливаютъ.

Обиднѣе всего показалось зимѣ, что даже малые ребятишки, и тѣ ея не боятся: катаются себѣ на конькахъ да на санкахъ, въ снѣжки играютъ, бабъ лѣпятъ, горы строятъ, водой поливаютъ, да еще морозъ на помощь зовутъ. Щипнетъ зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за носъ, третьяго за щеку, даже побѣлѣютъ; а мальчишки схватятъ снѣгу, давай тереть—и разгорится у нихъ лицо, какъ огонь.

Видитъ зима, что ничѣмъ ей не взять—заплакала со злости. Со стрехъ зимнія слезы закапали.... видно, весна не далеко.

Ушинскій.

56. Рубка лѣса.

Зимой въ лѣсахъ работа кипитъ да взвариваетъ. Ронятъ деревья, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, еловыя чегени и копани, рубятъ осину да березу на баклуши, колятъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣки и на всякое другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносятся по лѣснымъ пустынямъ.

Ждетъ не дождется лѣсникъ, чтобъ морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ болота, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла бы лѣсную пустыню. Знаетъ онъ, что мѣсяца четыре придется безъ устали работать, принять за топоромъ труды не малые: лѣсокъ сѣчь, не жалѣть своихъ плечъ. Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ, каждый день молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю послалъ.—Но вотъ, словно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю; гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ: и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру красно-огненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко и ярко освѣтило бѣлую, снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска; но рады они радешеньки и весело хлопочутъ, сбираясь въ лѣса лѣсовать. Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ, глядя на нихъ, малые ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гуленой да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ, на скорую

руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи.

Печерскій.

57. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошелъ, ямщикъ!..«Нѣтъ мочи:
„Конямъ, баринъ, тяжело;
„Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
„Всѣ дороги занесло;
„Хоть убей, слѣда не видно,—
„Сбились мы. Что дѣлать намъ!
„Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
„Да кружитъ по сторонамъ.

„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
„Дуетъ, плюетъ на меня;
„Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
„Одичалаго коня;
„Тамъ верстою небывалой
„Онъ торчалъ передо мной;
„Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой,
„И пропалъ во тьмѣ пустой."

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!"

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

Пушкинъ.

58. Чужая бѣда.

Ужель чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣно продавать;
Случился косогоръ, возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился;
Да видитъ, одному ему не совладать;
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
„Вотъ, чортъ на косогоръ занесъ!“
Проѣзжій отвѣчаетъ
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и, всѣ напрягши силы, возъ
Кой-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ, анъ видитъ тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался,
Теперь же мужику: „Ой, помоги!“ кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ,
„Знать, врагъ
Занесъ въ оврагъ“,
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
„Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жь и самъ теперь. Прощай, братъ, добра ночь!

Хемницеръ.

---

59. Морозко.

У мачихи была падчерица, да родная дочка; родная, что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ «умница!», а падчерица, какъ ни угождаетъ, ни чѣмъ не угодитъ,—все не такъ, все худо, а надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится—не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала ма-

чиха падчерицу со двора согнать. «Вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали, да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле, на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой, и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Вдругъ слышитъ:—невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ, поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Вотъ очутился онъ на той соснѣ, подъ коей дѣвица сидитъ; пощелкиваетъ, на красную дѣвицу поглядываетъ: «дѣвица, дѣвица, я морозъ, красный носъ!»—«Добро пожаловать, Морозъ! знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную!»—«Тепло-ли-те, дѣвица?»—«Тепло, тепло, батюшка Морозушко!» Сталъ Морозко ниже спускаться, больше потрескивать и чаще пощелкивать и спросилъ опять дѣвицу: «тепло-ли-те, дѣвица? тепло-ли-те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: «тепло, Морозушко, тепло, батюшко!» Пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ Морозко и сказалъ дѣвицѣ: «тепло-ли-те, дѣвица? тепло-ли-те, лапушка!» Дѣвица окостенѣла и чуть слышно сказала: «ой, тепло, голубчикъ Морозушко!» Полюбились Морозкѣ ея ласковыя рѣчи, онъ надъ ней сжалился и окуталъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами, да принесъ ей сундукъ и высокій, и тяжелый, полный всякаго приданаго, а потомъ подарилъ ей и платье, шитое серебромъ и золотомъ. Надѣла она его и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай мужъ! вези хоронить свою дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» —«Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!» Собачка съѣла блинъ да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины

давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица, въ золотѣ да въ серебрѣ, панья паньей! такъ и сіяетъ! Мачиха глянула—и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто. Повезъ старикъ на то-же поле, посадилъ на то же мѣсто». Пришелъ и Морозъ —красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью и сталъ спрашивать: «тепло-ли-те, дѣвица?»—«Убирайся ты!» отвѣчала ему старухина дочь: „или ты ослѣпъ,—не видишь, что у меня руки и ноги окостенѣли". Попрыгалъ, поскакалъ Морозко, а хорошихъ рѣчей не дождался; разсердился, хватилъ ее и убилъ.—„Старикъ, ступай, мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!". А собачка подъ столомъ: «тявъ, тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ кости везутъ!»—Не ври! на пирогъ, скажи: „старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!" Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно.

---

60. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися,
На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись;
Со двора повели въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся;
За дубовы столы, за набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые,
На столахъ куръ, гусей много жареныхъ.
Пироговъ, ветчины блюда полныя.
Бахрамой, кисеей принаряжена,

Молодая жена, чернобровая,
Обходила подругъ съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ чашу горькова.
Самъ хозяинъ, за ней, брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ, про старинушку,—
Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?
— Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются
Отъ вечерней зари до полуночи.
По селу пѣтухи перекликнулись,
Призатихъ говоръ-шумъ въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу.

Кольцовъ.

---

61. Деревенскій сторожъ.

Ночь темна. На небѣ тучи;
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.
Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ...
Ходитъ сторожъ одинокой,
Слышенъ скрыпъ шаговъ.
Зябнетъ сторожъ. Вьюга смѣло
Злится вкругъ него...
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.
Скучно!.... радость измѣнила....
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.
Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.
И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска,—
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска.

Никитинъ.

62. Елка.

Снѣгомъ улица покрылась;
Вотъ ужь и сама
Въ гости къ намъ заторопилась
Бабушка зима.
Вся подъ бѣлой пеленою
Елочку несетъ
И, мотая головою,
Пѣсенку поетъ:
Дѣти, къ вамъ, на радость вашу
Елку я несу...
Елку всю я изукрашу,
Лакомствъ припасу.
Будутъ всякія игрушки:
Мячики, коньки,
Избы, куклы, погремушки,
Звѣри и волчки.
А коль есть шалунъ-проказникъ,
То скажу я вамъ,
Что такому я на праздникъ
Ничего не дамъ.

Соллогубъ.

---

63. Волга зимой.

На другой день переѣхали мы по гладкому, какъ зеркало, льду страшную для меня Волгу. Она даже и въ этомъ видѣ меня пугала. Въ этотъ годъ Волга стала очень чисто, *наголо*, какъ говорится. Снѣгу было мало, снѣжныхъ бурановъ тоже, а потому мало шло по рѣкѣ льдинъ и, такъ называемаго *сала*, то есть снѣга, пропитаннаго водою. Одни морозы сковали поверхность воды, и сквозь прозрачный ледъ было видно, какъ бѣжитъ вода, какъ она завертывается кругами и какъ скачутъ иногда по ней бѣлые

пузыри*). Признаюсь, я не могъ смотрѣть безъ содроганія изъ моего окошечка (разскащикъ ѣдетъ въ кибиткѣ, съ окошечками) на это страшное движеніе огромной водяной глубины, по которой скакали наши лошади. Вдругъ увидѣлъ я въ сторонѣ, не далеко отъ наѣзженной дороги, что-то похожее на длинную прорубь, которая дымилась. Я пришелъ въ изумленіе и упросилъ Парашу посмотрѣть и растолковать мнѣ. Параша взглянула и со смѣхомъ сказала: «это полынья. Тутъ вода не мерзнетъ. Это Волга дымитъ, оттого и паръ валитъ; а чтобъ ночью кто-нибудь не ввалился, по краямъ хворостъ накиданъ». Какъ ни любопытна была для меня эта новость, но я думалъ только объ одномъ, что мы, того и гляди, провалимся и нырнемъ подъ ледъ. Страхъ одолѣлъ меня, и я прибѣгнулъ къ обыкновенному моему успокоительному средству, то есть зажмурилъ глаза и открылъ ихъ уже на другомъ берегу Волги.

Аксаковъ.

---

64. Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жила,
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко-бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй,
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Да до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать, вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ,

*) Рѣдко бываетъ, чтобъ большая рѣка становилась безъ снѣга. (Замѣчаніе автора).

Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ,
Глядитъ—и день свѣтаетъ:
Народъ шевелится и слышны голоса...
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда, сюда метаться;
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью волкъ бѣжитъ: „Другъ милый, кумъ, отецъ!"
Кричитъ лиса: „Спаси! пришелъ совсѣмъ конецъ!"
Вотъ кумъ остановился
И въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ на-чисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура;
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.
Щепотки волосъ лиса не пожалѣй—
Остался-бъ хвостъ у ней.

Крыловъ.

---

65. Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія *). Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и, наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ: „баринъ! не прикажешь ли воротиться?"

— Это зачѣмъ?

— Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Что за бѣда?

— А вишь, тамъ что? Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ—вонъ: это облачко.

*) Разсказываетъ молодой человѣкъ; онъ ѣдетъ изъ деревни на службу, въ Оренбургъ, съ дядькою Савельичемъ.

Я увидѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ— и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ,“—закричалъ ямщикъ: „бѣда! буранъ!....“

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. „Что-жъ ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—„Да что ѣхать!“ отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: „не вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ.“—Я сталъ-было его бранить.—Савельичъ за него заступился. „И охота было не слушаться,“—говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря-бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!“—Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. „Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри, что тамъ такое чернѣется?“ Ямщикъ сталъ всматриваться.—„А Богъ знаетъ, баринъ,“—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: „возъ не возъ,

дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ."

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ. „Гей, добрый человѣкъ!" закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?"

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный:—да что толку?

— Послушай, мужичекъ, сказалъ я ему:—знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мнѣ знакома, отвѣчалъ дорожный:—слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ-разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось, буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику: „ну, слава Богу, жило не далеко: сворачивай вправо, да поѣзжай."—„А почему ѣхать мнѣ вправо?" спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ: „гдѣ ты видишь дорогу! Не бось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой."—Ямщикъ казался мнѣ правъ. „Въ самомъ дѣлѣ," сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило не далече?"—„А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ," отвѣчалъ дорожный: „и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко."—Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Пушкинъ.

66. Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ;
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старику не много надо:
Лапти сплесть да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Никитинъ.

---

67. Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѳадей!“—„Здорово, кумъ Егоръ!“
—„Ну, каково, пріятель, поживаешь?“
—„Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ.

И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ."
—„Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!"
—„Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну ты какъ?"—„Охъ, Ѳадей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, то-жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ;
И тоже черезъ чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка."
—„Пеняйте на себя, друзья!"
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: „Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ."

Крыловъ.

---

68. Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Мерещится мнѣ мальчикъ, но еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе... Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ

на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная его мать. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала въ Петербургъ со своимъ мальчикомъ изъ другаго города и вдругъ захворала... Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ десятый подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему наконецъ въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. „Очень уже здѣсь холодно", подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой куртузишко, потихоньку, ощупью пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется—никого, всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобы не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица—охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка: это елка, а на елкѣ столько огней, столько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ,

а кругомъ тутъ куколки, маленькія лошадки, а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужь и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужь не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе—миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, тому онѣ даютъ пироги, а отворяется дверь, поминутно входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла скорѣе и сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй—поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его, потому что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что же это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ—совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичекъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ—только вотъ изъ за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки—вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ, и не зналъ, что такія есть. И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно—смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по

головѣ, и сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать—бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ—и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало ему такъ хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо здѣсь заснуть: „посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ“, подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живыя“... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она; кто же его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ, а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ—о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки—но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

Мама! мама! Ахъ какъ тутъ хорошо, мама! кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ: „Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки? спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

„Это Христова елка“, отвѣчаютъ они ему. „У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ елки...“ И узналъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такія-же бѣдныя, какъ онъ, дѣти, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ

самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки и благословляетъ ихъ и ихъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими рученками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо... А внизу на утро дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его маму....

Достоевскій.

---

69. Крещенскій вечеръ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Жуковскій.

---

70. Зима.

Вслѣдъ за рядомъ дней дождливыхъ,
Дней ненастныхъ и унылыхъ,
Дней тоски и тяжкихъ грезъ
Прикатилъ старикъ морозъ.

Съ неба сѣраго снѣжинки
Полетѣли какъ пушинки,
И поля, и лѣсъ густой
Скутанъ бѣлой пеленой.

На деревьяхъ, вмѣсто листа,
Иней понависъ пушисто;
А на рѣчкѣ тонкій лёдъ
Заковалъ собою бродъ.

По деревнѣ, вдоль, мальчишки
Съ шумомъ повезли санишки;
И въ дровнишки мужичокъ
Сивку тощаго запрёгъ.

Попростясь съ женой Матреной,
За кушакъ топоръ востреный
Онъ заткнулъ.... и со двора
Въ лѣсъ поѣхалъ по дрова.

Бабы, шумною толпою,
Собралися надъ рѣкою,
Гдѣ мужикъ дюжой Ермилъ
Прорубь пѣшнею долбилъ.

Дымъ носился надъ избами,
И красивыми столпами
Вдоль деревни тутъ и тамъ
Подымался къ небесамъ.

Все какъ будто оживилось,
Все живѣй зашевелилось,—
Видно, дѣдушка морозъ
Всѣмъ имъ живости принесъ.

Русаку морозъ россійскій,—
Другъ по сердцу очень близкій,
Оттого его народъ
И по днесь съ любовью ждетъ.

Ставискій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

71. Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять. Посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: „мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ“. Выросла у нихъ рѣпа: мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: „ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь“.

Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: „Давай, Миша, сѣять пшеницу“.—Давай, говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ: „теперь ты что возьмешь, Миша, корешокъ, аль вершокъ“?—Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ.—

Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: „вотъ, Миша, какая верхушка-то“!—Ну, мужикъ, говоритъ медвѣдь, я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя!—Мужикъ отошелъ и заплакалъ.

Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику: „что ты плачешь?“—Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочетъ съѣсть.—„Не бойся, дядя, не съѣстъ“!—и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ, вышла оттуда и спрашиваетъ: „мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ“? А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: „ой, мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть“. Мужикъ говоритъ лисѣ: „нѣту“! Лиса засмѣялась и сказала: „а у телѣги-то что лежитъ“? Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: „скажи, что колода“.—Кабы была колода, отвѣчаетъ лиса, она бы на телѣгѣ была увязана,—а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: „свяжи меня и положи въ телѣгу“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: „мужикъ! нѣтъ ли тутъ у тебя волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ“!—Нѣту! сказалъ мужикъ.—„А на телѣгѣ-то что лежитъ“?—Колода.—„Кабы была колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ“. Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: „воткни въ меня топоръ“. Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ.

Вотъ лиса и говоритъ мужику: „что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь“?—Дамъ я тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси—не гляди. Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла, несла и думаетъ: дай, погляжу! глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочатъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла, бѣгла, да подъ пенекъ въ нору и ушла, и, сидя тамъ, говоритъ съ собою: „что вы, ушки, дѣлали?—мы все слушали. А вы, ножки, что дѣлали!—мы все бѣжали. А вы, глазки?—мы все глядѣли. А ты, хвостъ?—я все мѣшалъ тебѣ бѣжать. „А! ты все мѣшалъ? постой же, я тебѣ дамъ“!—и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

---

72. Некогда.

Но до чтенія ли, до письма ли было тутъ, когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда пучекъ на березахъ лопается, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ земли свернутыя въ трубочку травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; когда жаворонки съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ.... А сколько мнѣ было дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яицахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорки и малиновки въ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились, какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ, и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними... О много было дѣла и заботы мнѣ!..

Аксаковъ.

---

73. Весна.

Весна! Выставляется первая рама —
И въ комнату шумъ ворвался,

И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей;
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

Майковъ.

---

74. Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: „спасибо! исполать!"
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться.
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ.
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковина, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

---

75. Прилетъ дичи.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Ужъ мартъ на исходѣ и апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна не слишкомъ поздняя, то прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя, лѣтнія квартиры—самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи, по близости къ селенію лежащія, для удобнаго доставанія хлѣбнаго корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими, бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ.

Но воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи; зачернѣли проталины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти. Обтаяли кругомъ родники, паточины, свѣжія навозныя кучи и удобренная ими мельничная плотина.

Наконецъ наступаетъ совершенная ростополь: юго-западный, теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: ужь на черной скатерти полей лишь кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ, да лежитъ гребнемъ съ темной навозной верхушкой крѣпко уѣзженная зимняя дорога. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась ими рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступила водополь или водополье. Паръ поднимается отъ земли: „земля отходитъ", говоритъ крестьянинъ. На небѣ сѣро, а въ воздухѣ сыро и туманно. Именно въ такое-то время наступаетъ

валовой, повсемѣстный пролетъ и даже прилетъ птицы, не только по ночамъ, зарямъ утреннимъ и вечернимъ, но и въ продолженіи цѣлаго дня. И прежде изрѣдка, по немногу, показывались гуси и лебеди, больше по парочкѣ, и высоко проносились въ сѣрыхъ облакахъ: теперь они летятъ огромными вереницами. Журавли появляются позднѣе, плывя въ небесахъ раздвинутыми тупыми треугольниками, какъ будто корабли, построенные къ бою. Всѣ породы утокъ стаями, одна за другою, летятъ безпрестанно: въ день, особенно ясный, высоко; но во дни ненастные и туманные, предпочтительно по зарямъ, летятъ низко, такъ что ночью, не видя ихъ, по свисту крыльевъ можно различить многія изъ породъ утиныхъ. Пролетная птица торопится безъ памяти, летитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей приняться за дѣло: вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, высматриваетъ привольныя мѣста, какъ будто переговаривается между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю.

Наконецъ полая вода сливаетъ, сохнутъ поля и луга, входятъ въ берега рѣки, уменьшается птица. Уже нѣтъ большихъ стай: пролетная пролетѣла, прилетная разбирается парами и держится предподчтительно около тѣхъ мѣстъ, гдѣ замышляетъ вить гнѣздо.

Аксаковъ.

---

76. Весна.

Уходи, зима сѣдая?
Ужь красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

* *
*

Старой спорить ли, щедушной,
Съ ней—царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной,
Благовонныхъ вѣтерковъ!

* *
*

А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!....
Уходи себѣ скорѣй!

* * *

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

* * *

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ—ужь пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ,
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

Майковъ.

---

77. Ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце дольше
И весна милѣй...
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

Плещеевъ.

---

78. Пѣсня ласточки.

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:

Какъ, февраль, ни злися,
Какъ ты, мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ,
Все весною пахнетъ.

Майковъ.

---

79. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла въ дородствѣ съ нимъ сравняться
(Она завистлива была)
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться:
„Смотри-ка, Квакушка, что? буду я съ него?"
Подругѣ говоритъ:—„Нѣтъ, кумушка, далеко!"
—„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
Ну, каково!
Пополнилась ли я?"—„Почти что ничего."
—„Ну, какъ теперь?"—„Все то жъ." Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ.
Не диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

Крыловъ.

---

80. Вскрытіе рѣки.

Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тро-

нулась“! Въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другаго. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, ибо всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ, или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ.

Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною, безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: „пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро взломается, а ты прозябнешь, лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться“. Я очень не охотно послушался...

Въ самомъ дѣлѣ, не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается... Одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидѣлъ новую, тоже невиданную мною картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы, вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась одним краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрыпъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до нашихъ ушей.

Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго съ жа-

ромъ разсказывалъ ей все, что видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ, и я принялся съ новымъ жаромъ описывать ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему еще долѣе, еще горячѣе, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе. Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій.

Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась, и, наконецъ, разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна иногда верхушками деревъ, а иногда до половины затопленными огромными дубами, вязами, вышина которыхъ только тогда вполнѣ обозначилась; они были похожи на маленькіе какъ будто плавающіе островки.

Долго не сбывала полая вода.

Аксаковъ.

---

81. Встрѣча весны.

Въ тотъ годъ зима сошла дружно. Хоть Пасха была и не изъ позднихъ, но къ Ѳоминой снѣгу ни сколько не осталось. Развѣ гдѣ въ глубокомъ овражкѣ бѣлѣлся да узенькими полосками по лѣсной окраинѣ лежалъ. По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая: со всхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ, въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ, луга затоплены, легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ!

По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Послѣ праздника весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ, либо полицу перековываетъ—пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. „Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя матушку, Небесный Царь!... Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!...“ молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода—голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ, звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ.

Парни, дѣвки весну окликаютъ:

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ, по лѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгаютъ по всполью—обѣдать даже не скоро домой загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо глядѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко—
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко, покажись,
Красное нарядись,—
Къ тебѣ гости на дворъ,
На пиры пировать,
Въ столы столовать.

Радуница пришла!.. Красная горка!.. Веселье-то какое!..

Печерскій.

---

82. Весеннее утро.

Едва, едва на небѣ голубомъ
Забрежжетъ свѣтъ чуть видной полосою,
Какъ все вездѣ задвижется кругомъ,
И дивный гулъ наполнитъ міръ собою.

Тамъ куропатка, вѣстница зари,
Какъ барабанщикъ дробью зальется;
За ней во слѣдъ проснутся глухари,
И пѣсня ихъ немудрая начнется.

Здѣсь тетеревъ чуфыркнетъ разъ-другой,
На токъ родной собратій собирая;
А тамъ, въ лѣсу, застонетъ козодой,
И голосъ дастъ тетерка полевая.

Вальдшнепъ, харча, надъ лѣсомъ пролетитъ,
Любуяся весеннею зарею;
Да голубокъ уныло прогурчитъ,
Здороваясь съ подругой дорогою;

Въ чащѣ кустовъ засвищетъ соловей,
Ему другой и третій отзовется,
И стройный хоръ ихъ, въ тысячахъ статей,
Вездѣ, кругомъ, отрадно понесется;

Бекасъ вдали барашкомъ заблеетъ,
Чирокъ, звеня, на мокрый лугъ промчится,
Пѣвецъ полей свой дивный гимнъ начнетъ,
И надъ родною нивой закружится.

Мужикъ пойдетъ на полосу съ сохой,
Немудраго конишку подгоняя,
Вдоль поселка пройдетъ пастухъ съ дудой,
Какъ-бы сигналъ къ походу подавая.

Повсюду визгъ, мычаніе коровъ,
Собаки лай, хозяекъ перебранка,
Клоктанье куръ, крикъ ярыхъ пѣтуховъ,
Да плачъ дѣтей голодныхъ спозаранка.

И видишь ты, какъ бьется жизнь ключемъ,
Какъ поле, лѣсъ и роща оживаетъ,
Какъ все снуетъ, торопится кругомъ,
И Божій день съ зарею начинаетъ.

Ставискій.

---

83. Весна.

Въ старый садъ выхожу я, росинки
Какъ алмазы на листьяхъ горятъ;

И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
    Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.
    За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
    Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

Плещеевъ.

---

84. Весна.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется.
    Разгорѣлся день
    Огнемъ солнечнымъ,
    Подобралъ туманъ
    Выше темя горъ.
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась;
    Понахмурилась,
    Что задумалась,
    Словно вспомнила
    Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
    Ополчается
    Громомъ-бурею,
    Огнемъ-молніей,
    Дугой-радугой;
Ополчилася,
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
    Слезой крупною—
    Проливнымъ дождемъ
    На земную грудь,
    На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до-сыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя,
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися;
Чѣмъ свѣтъ по полю,
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давать пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Перечесывать...

Кольцовъ.

---

85. Булыня.

Стукъ-брякъ по улицѣ косами да серпами. Съ конца деревни до другого веселые крики несутся... «А!.. старый знакомый!.. Масляно рыло!.. Красно-байный языкъ... Добро пожаловать, милости просимъ!»

Это булыня. Вотъ идетъ онъ возлѣ подводы, а самъ подпрыгиваетъ, косами да серпами побрякиваетъ, затѣйными прибаутками народъ смѣшитъ. У него на возу и косы литовки, и косы горбуши, и серпы нѣмецкіе, а захочешь, такъ найдутся и топоры изъ самаго Пучежа... Брякнетъ булыня косой о косу, звякнетъ серпомъ о серпъ—не успѣешь Богородицу прочитать, какъ вся деревня, отъ мала до велика, кругомъ воза стоитъ. Краснобай отъ клепки косъ, отъ зубренья серповъ мужиковъ отговариваетъ—берите молъ новые, не въ примѣръ дешевле обойдутся. И де-

негъ добрый человѣкъ не беретъ—по осени, говоритъ, пріѣду, бабы льномъ заплатятъ, хошь мыканымъ, хошь немыканымъ, хошь изгребнымъ, какъ имъ въ ту пору будетъ сподручнѣе. Мнѣ, вѣдь, говоритъ, все едино, что сланецъ, что моченецъ, что плаунъ, что долгунецъ—всякій Демидъ въ мой кошель угодитъ.

И въ тотъ-же день во всякомъ дому появляются новые серпы и новыя косы. Лѣтошныхъ нѣтъ, на придачу булынѣ пошли. А по осени «масляно рыло» возьметъ свое. Деньгами гроша не получитъ, за то льномъ и пряжей туго на туго нагрузитъ воза, да еще въ каждой деревнѣ его отцомъ благодѣтелемъ назовутъ, да не то, что хлѣбъ-соль—пшенники, лапшенники, пшенницы, лапшенницы на столъ ему поставятъ. Появятся и оладьи, и пряженцы, и курочка съ насѣсти и косушка вина ради почести булыни и знакомства съ нимъ напредки.

Печерскій.

---

86. Появленіе весны.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

---

87. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль, подлинно, твое умѣнье?“
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной въ далекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно“, говоритъ: „сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился“.
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ

---

88. Ось и чека.

Ѣхалъ извощикъ Семенъ, съ кладью, глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Вдругъ у него задымилась ось; а

до деревни далеко. Какъ онъ ни бился, что ни дѣлалъ—нѣтъ, ничѣмъ не уймешь; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось сейчасъ. Зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; наконецъ справился кое-какъ, съ версту проѣхалъ, опять стой, опять тоже.

Наѣзжаетъ сзади, шажкомъ, другой извощикъ, Архипка, по пути. Семенъ оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ—догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ; что хочешь бери, только уступи». Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: «да», говоритъ, «не ладно у тебя дѣло; пожалуй, возьми, коли хочешь, за два цѣлковыхъ».

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ, и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай»,—да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ее по христіански—не разживаться же чужой бѣдой, а тутъ вышло не то! «Помилуй», говоритъ, «да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!»—«За моремъ телушка—полушка», сказалъ тотъ, «да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашелъ за полтинникъ». А самъ было и поѣхалъ дальше. Семенъ за нимъ, и проситъ, и кланяется—нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь, такъ ему жаль было денегъ—да дѣлать нечего, не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. «На», говоритъ, «землякъ, Господь съ тобою; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями».—«Не видалъ я твоихъ рублей», молвилъ тотъ: «нешто я тебя неволю, что-ли? На, возьми, ихъ, да подай сюда ось; я при своемъ буду, а ты при своемъ».—«Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволитъ; быть такъ, ступай, съ Богомъ; спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять передокъ, да подвести ось». Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись, Архипка хвать—чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. «Стой!» кричитъ онъ Семену «стой, братъ: какъ тутъ быть? Чеки то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! У меня топоръ есть; подай-ка, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ».

— «Пожалуй», говоритъ Семенъ, «возьми, только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай».

— «Съ ума, что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ?»

— «Вольному воля», сказалъ Семенъ, «при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ».

Ударилъ Архипъ руками объ полы—хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

Даль.

---

89. Посѣвъ.

Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, т. е. посѣвъ яроваго хлѣба.

Видъ весеннихъ полей вскорѣ привлекъ мое вниманіе и радостное чувство овладѣло моей душой.

Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація.

Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ, слышался хриплый голосъ кречетокъ, стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болото—и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе.

Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху. Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ.

Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли и подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется, не новь, а мякоть, какъ называется нѣсколько разъ паханная земля.

За ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики.

Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами.

Аксаковъ.

---

90. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху.
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды.
Молочу и вѣю....
Ну! тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;

Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну! тащися сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Кольцовъ.

---

91. Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права;
Въ рѣкѣ, мѣстами, глубь ясна,
На днѣ видна трава.
Чиста холодная струя,
Слѣжу за поплавкомъ,
Шалунья-рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.
Голубоватая спина,—
Сама, какъ серебро;
Глаза—бурмитскихъ два зерна;
Багряное перо.
Идетъ, не дрогнетъ подъ водой....
Пора,—червякъ во рту!
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой, авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ.

Фетъ.

---

92. Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: „куда оно,
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ

Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно".

Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Крыловъ.

---

93. Лиса и Дроздъ.

Шла лиса по лѣсу и попала въ яму. Долго она въ ямѣ сидѣла и наконецъ проголодалась. Надъ ямой стояло дерево, а на томъ деревѣ дроздъ вилъ гнѣздо. Лисица сидѣла, сидѣла въ ямѣ, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: „Дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?"—Гнѣздо вью.—„Для чего ты вьешь?"—Дѣтей выведу.—„Дроздъ, накорми меня; если не накормишь, я твоихъ дѣтей поѣмъ." Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ опять: „дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?"—Накормилъ.—„Ну, напои-жъ меня." Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говоритъ: „Дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?"—Накормилъ. „Ты меня напоилъ?"—Напоилъ.—„Вытащи же меня изъ ямы." Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать. Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю—и возлѣ самаго дерева легла—протянулась. „Ну," говоритъ, „накормилъ ты меня, дроздъ?"—Накормилъ.—„Напоилъ ты меня?"—Напоилъ.—„Вытащилъ ты меня изъ ямы?"—Вытащилъ.—„Ну разсмѣши-жъ меня теперь". Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу разсмѣшить. „Я", говоритъ онъ, „полечу, а ты лиса, иди за мною." Вотъ, хорошо, полетѣлъ дроздъ въ село; сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ и началъ кричать: „Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!" Выскочили собаки и разорвали лисицу.

---

94. Крестины.

Наконецъ, не видавшись съ матерью около недѣли, я увидѣлъ ее блѣдную и худую, все еще лежащую въ постели; зеленыя гардинки были опущены и потому, можетъ быть, лицо ея показалось мнѣ еще блѣднѣе. Отецъ заранѣе наказалъ мнѣ, чтобы я не только не плакалъ, но и не слишкомъ радовался, не слишкомъ ласкался къ матери. Это меня очень смутило: одѣвать свое горячее чувство въ болѣе сдержанныя, умѣренныя выраженія я тогда еще не умѣлъ; я долженъ былъ показаться страннымъ, не тѣмъ, чѣмъ я былъ всегда, и мать сказала мнѣ: „ты, Сережа, совсѣмъ не радъ, что у тебя мать осталась жива...“ Я заплакалъ и убѣжалъ. Отецъ объяснилъ матери причину моего смущенія. Мнѣ дали проплакаться немножко и опять позвали въ спальню. Мать нѣжно приласкала меня и сестрицу (меня особенно), и сказала: „не бойтесь, мнѣ не будетъ вредна ваша любовь“. Я обнялъ мать, плакалъ на ея груди и шепталъ: „Я самъ бы умеръ, еслибъ вы умерли.“ Видно мать почувствовала, что ее слишкомъ волнуетъ свиданье съ нами, потому что вдругъ и торопливо сказала: „подите къ братцу: его скоро будутъ крестить.“ Мы прямо пошли къ братцу. Его только что вымыли, одѣли въ новую распашенку, завернули въ новую простынку и въ розовое, атласное одѣяльце; онъ, разумѣется, плакалъ мнѣ стало жалко, но у груди кормилицы онъ сейчасъ успокоился. Видя приготовленіе къ крестинамъ и слыша, что говорятъ о нихъ, я попросилъ объясненія этому, неслыханному и невиданному мною, дѣлу. Мнѣ объяснили, и я захотѣлъ непремѣнно быть крестнымъ отцомъ моего братца. Мнѣ говорили, что этого нельзя, что я маленькій, что у меня нѣтъ кумы, но послѣднее препятствіе я сейчасъ преодолѣлъ, сказавъ, что кумой будетъ моя сестрица. Видя мое упорство и не желая довести меня до слезъ, меня обманули, какъ я послѣ узналъ, то есть поставили, вмѣстѣ съ сестрицей, рядомъ съ настоящимъ кумомъ и кумою. Крещеніе, символическихъ таинствъ котораго я не понималъ, возбудило во мнѣ сильное вниманіе, изумленіе и даже страхъ: я боялся, что священникъ порѣжетъ ножницами братцыну головку, а погруженіе младенца въ воду за-

ставило меня вскрикнуть отъ испуга.... Но я, неотступными просьбами, выпросилъ позволеніе подержать на своихъ рукахъ моего крестнаго сына — разумѣется, его придерживала бабушка-повитушка—и я долго оставался въ пріятномъ заблужденіи, что братецъ мой крестный сынъ, и даже, прощаясь, всегда его крестилъ.

Аксаковъ.

---

95. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ.
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье...
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое, родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой.
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою....
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

---

96. Весна.

Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.

Вездѣ разнообразною
Картиной занятъ взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ—чему-то радъ...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена—
И надъ душою каждою
Проносится весна.

Фетъ.

---

97. Благочестіе русскихъ.

Никогда не забуду я,—говоритъ одинъ изъ посѣщавшихъ лавру,—какъ однажды, пріѣхавъ къ Троицѣ, остановился я у церкви, гдѣ почиваетъ св. Сергій, и дожидался, чтобъ отворили церковь: вдругъ спѣшитъ крестьянская старуха, опираясь на костыль, въ сопровожденіи четырехъ или пяти женщинъ. Дверь заперта. Подходитъ монахъ.

— Батюшка, обращается она къ нему—скоро-ли заблаговѣстятъ къ вечернѣ?

— Черезъ часъ.

— Отецъ родной, нельзя-ли теперь?

— Нѣтъ, нельзя, подожди.

Монахъ прошелъ. Старуха была въ ужасномъ волненіи и, казалось, не знала, что дѣлать.

— Почему же ты не хочешь подождать? сказалъ я.

— Кормилецъ, мочи нѣтъ; я не ѣла другой день, а хочется приложиться натощакъ, не вынесу—и голодъ моритъ, да и силы нѣтъ; весь день мы почти бѣжали, чтобъ поспѣть хоть къ вечернѣ. Кормилецъ, вотъ у меня есть двугривенный, нельзя ли дать ему, чтобъ онъ только отперъ мнѣ дверь теперь.

И теперь, безъ умиленія я не могу вспомнить объ этой рѣчи,

объ этомъ двугривенномъ, который, вѣрно, стоитъ евангельской лепты и дороже иного милліона. Вотъ какимъ духомъ, подумалъ я тогда, вотъ какими молитвами, желаніями, евангельскихъ избранныхъ ради, держится наша святая Русь, и врата адова не одолѣютъ ю!

---

98. Черкесская пѣсня.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.
Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой,
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.
На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Пушкинъ.

---

99. Русскій солдатъ.

Великому царю и государю русскому, императору Петру I, случилось однажды бесѣдовать съ королемъ нѣмецкимъ. Государи разговорились о томъ, чьи солдаты лучше знаютъ службу и военную дисциплину. Король отстаивалъ своихъ и увѣрялъ, что солдаты его, какъ издавна привыкшіе къ военному порядку, должны быть лучше русскихъ, которые въ то время только что набраны были изъ крестьянъ, недавно обучены, а потому-де и не могли еще свыкнуться съ воинской службой такъ, какъ его, королевскіе, старые солдаты. „Не спорю, сказалъ государь королю, что мои новобранцы въ чемъ-нибудь уступятъ вашимъ гренадерамъ; да спорю вотъ о чемъ: доблесть военная—слѣпое, безотвѣтное послушаніе; солдату скажешь: дѣлай то,—онъ дѣлаетъ; полѣзай туда-то,—онъ

лѣзетъ, безъ думы, безъ оглядки; знаетъ, что за голову его отвѣчаетъ тотъ, кто его послалъ, а самому ему объ этомъ безпокоиться нечего. Такъ въ этомъ-то дѣлѣ мои молодцы за-поясъ заткнутъ кого угодно."—Нѣтъ, отвѣчалъ король, и въ послушаніи мои не уступятъ вашимъ: я въ нихъ увѣренъ.

„А коли такъ, ваше величество, сказалъ императоръ, такъ сдѣлаемте сейчасъ опытъ, да только вотъ какой: позовите вы на выдержку солдата своего изъ караула, да прикажите ему выскочить вотъ изъ этого окна; а тамъ я позову своего и велю ему сдѣлать то же; посмотримъ, что будетъ". Король согласился, велѣлъ позвать своего солдата, и приказалъ ему выскочить въ окно. Окно было въ третьемъ жильѣ, солдатъ глянулъ и сталъ отпрашиваться, просить помилованія; а когда король настаивалъ, то солдатъ просилъ позволенія сходить напередъ домой проститься съ своими: ужъ я, говоритъ, ихъ больше не увижу. Король похвалилъ его за послушаніе, и отпустилъ.

Затѣмъ государь нашъ позвалъ гренадера съ гауптвахты. Гренадеръ вошелъ. „Здорово, товарищъ!"—Здравія желаю вашему императорскому величеству. „Подойди сюда". Гренадеръ подошелъ. „Прыгай сейчасъ въ окно, да съ разбѣгу!"—Въ которое прикажете, ваше величество, въ это?—„Да, въ это!" И гренадеръ въ одинъ мигъ вскочилъ уже на подоконникъ, перекрестился и ринулся головою впередъ, такъ что государь едва успѣлъ ухватить его за полы.

Государь обнялъ его, одарилъ и отпустилъ; а король пожалъ плечами и сказалъ: „Завидую вамъ, государь, что у васъ такіе солдаты".

Даль.

---

100. Свѣтло-Христово Воскресеніе.

Съ четверга на страстной начали красить яица: въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпугѣ и луковыхъ перьяхъ; яица выходили красныя, синія, желтыя и блѣдно-розоваго рыжеватаго цвѣта. Мы съ сестрицей съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашеньѣ. Но мать умѣла мастерски красить яица въ мраморный цвѣтъ

разными лоскутками и помаханскимъ шелкомъ. Сверхъ того, она съ необыкновеннымъ искусствомъ простымъ перочиннымъ ножичкомъ выскабливала на красныхъ яицахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: „Христосъ воскресъ!“ Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ и на немъ было написано: «Христосъ воскресъ, милый другъ Сереженька!»

Къ большой моей досадѣ, я проснулся довольно поздно: мать была совсѣмъ одѣта; она обняла меня и, похристосовавшись заранѣе приготовленнымъ яичкомъ, ушла къ бабушкѣ. Вошелъ Евсеичъ, также похристосовался со мной, далъ мнѣ желтое яичко и сказалъ: „эхъ, соколикъ, проспалъ! Вѣдь я говорилъ себѣ, что надо посмотрѣть, какъ солнышко на восходѣ играетъ и радуется Христову Воскресенью.“ Мнѣ самому было очень досадно; я поспѣшилъ одѣться, заглянулъ къ сестрицѣ и брату, перецѣловалъ ихъ и побѣжалъ въ тетушкину комнату, изъ которой видно было солнце, и хотя уже оно стояло высоко, принялся смотрѣть на него сквозь мои кулаки. Мнѣ показалось, что солнышко какъ будто прыгаетъ, и я громко закричалъ: „солнышко играетъ! Евсеичъ правду сказалъ.“ Мать вышла ко мнѣ изъ бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться къ бабушкѣ.

Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ; мы всѣ собрались туда и разговѣлись. Правду сказать, настоящимъ-то образомъ разгавливались бабушка, тетушка и отецъ; мать постничала одну страстную недѣлю (да она уже и пила чай со сливками), а мы съ сестрицей—только послѣдніе три дня, но за то намъ было голоднѣе всѣхъ, потому что намъ не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухою изъ окуней, медомъ и чаемъ съ хлѣбомъ. Для прислуги была особая пасха и куличъ. Вся дворня собралась въ лакейскую залу; мы перехристосовались со всѣми; каждый получилъ по кусочку кулича, пасхи и по два красныхъ яйца, каждый крестился и потомъ начиналъ кушать.

Аксаковъ.

101. Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ;
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Тютчевъ.

---

102. Скворецъ.

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто-бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной-бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья,
А Скворушка завистливъ былъ, къ несчастью!—
И думаетъ: Постойте-же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

Крыловъ.

---

103. Суворовъ и сержантъ.

Суворовъ любилъ ходить часто между солдатъ, въ солдатской курткѣ или въ изодранной своей родительской шинели, и былъ всегда доволенъ, когда его не узнавали. Часто находили его спавшаго вмѣстѣ съ солдатами. Однажды присланный отъ какого-то генерала сержантъ съ бумагами закричалъ вслѣдъ бѣжавшему въ солдатской курткѣ фельдмаршалу:—„Эй, старикъ, постой! скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?“—Чортъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ.—„Какъ!“ вскрикнулъ сержантъ: „у меня отъ генерала къ нему бумаги“.—Не отдавай,—былъ второй отвѣтъ: онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ. Тутъ посланный, поднявъ на него палку, вскрикнулъ: „моли ты Бога, старичишка, за свою старость!... не хочу и рукъ марать. Ты видно не Русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля“. Суворовъ—давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращается онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочетъ броситься къ его ногамъ, но графъ, обнявъ его, сказалъ: „ты доказалъ любовь ко мнѣ на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня за меня“, и изъ рукъ своихъ подчивалъ его водкой.

---

104. Радуница.*)

На Пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай, такъ и церковный уставъ положилъ... Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти, нѣтъ помина о тлѣніи.

„Смерти празднуемъ умерщвленіе!“ поется въ церкви. Вездѣ на Руси читаются восторженныя слова Златоуста и гремятъ побѣдные клики Апостола Павла: „Гдѣ ты, смерте, жало? гдѣ ты, аде, побѣда?“. Нѣтъ смерти, нѣтъ и мертвыхъ—всѣ живы въ воскресшемъ Христѣ.

---

*). Поминъ родителей во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ.

Встаютъ мертвецы въ радости, выйдя изъ жальниковъ (могилъ), любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ, серебрянымъ мѣсяцемъ, частыми, мелкими звѣздочками. Радуется и живое племя, разставляя снѣди по могиламъ для совершенія тризны. Оттого и день тотъ называется *Радуницей*...

Только минетъ Святая, и смолкнетъ пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревеньщинѣ помины и оклички (причитанія на могилахъ, зовъ, обращеніе къ мертвымъ на кладбищахъ). Въ Навій день (*навъ*—мертвецъ, день мертвецовъ—Радуница) старъ и младъ спѣшатъ на кладбище съ мертвыми христосоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старорусскую тризну садятся.

Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники сыченой брагой, убираетъ ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникамъ блины, оладьи, пироги, кокурки (хлѣбъ съ запеченнымъ яйцомъ), крашены яйца, пшенники да лапшенники, ставитъ вино, пиво и брагу... Затѣмъ окликаютъ загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ:

Охъ ты, матушка, мать сыра-земля,
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлыя,
Отъ ретиваго сердечушка...
Государь ты нашъ, родной батюшка,
Мы пришли на твое житье вѣковѣчное,
Пробудить тебя отъ сна, отъ крѣпкаго.
Мы раскинули тебѣ скатерти браныя,
Мы поставили тебѣ явства сахарныя;
Садись съ нами, молви слово сладкое!
Ужъ мы сядемъ супротивъ тебя,
Мы не можемъ на тебя наглядѣтися,
Мы не можемъ съ тобой набаяться (наговориться).

Печерскій.

105. Мотылекъ.

Мотылекъ прелестный, чудный,
Вечеркомъ леталъ въ саду;
Вдругъ увидѣлъ, безразсудный,
Что-то блещетъ на лугу.
Онъ туда летитъ проворно,
Гдѣ оставленъ огонекъ;
И тамъ гибнетъ добровольно
Неразумный мотылекъ.
Такъ и люди погибаютъ,
Если блескъ ихъ ослѣпитъ;
Если золотомъ считаютъ,
Что, какъ золото, блеститъ.

Студитскій.

---

106. Весеннее утро.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темносѣромъ небѣ койгдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шепотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся, бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре... край неба синѣетъ; въ бе-

резахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, передразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая, съ бѣлой церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ, за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается, небо чисто... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору!.. Какой видъ! рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль... не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышетъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханьемъ весны!..

Тургеневъ.

---

107. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ;
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя".

Жуковскій.

---

108. Чужой разумъ.

Повадился козелъ въ огородъ; бывало, какъ пастухи выгонятъ гуртъ свой, то Васька мой, сперва какъ добрый, идетъ и головой помахиваетъ, а какъ только подпаски засядутъ гдѣ-нибудь въ овражкѣ играть въ камешки, то онъ и отправляется прямо въ капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же знакомымъ путемъ; идетъ себѣ да пофыркиваетъ, бородкой поматываетъ, будто за дѣломъ.

Въ это время глупая овца отбилась отъ стада, зашла въ чащу, въ крапиву, да въ лопушникъ; стоитъ сердечная да оглядывается, кричитъ благимъ матомъ, не найдется ли кто, добрый человѣкъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавъ козла, она обрадовалась ему, какъ родному брату: Пойду за нимъ, думаетъ, этотъ выведетъ; и не первинка мнѣ за козломъ идти: у насъ такой же бородачъ вожакомъ впереди стада ходитъ.

И пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ — и она черезъ оврагъ, козелъ черезъ тынъ — овца черезъ тынъ; козелъ черезъ прясло — и овца черезъ прясло, да и попала съ нимъ вмѣстѣ въ огородъ, да сдуру и пошла прыгать по грядкамъ.

На этотъ разъ огородникъ заглянулъ на бѣду въ капусту свою и увидавъ незваныхъ гостей, схватилъ предлинную хворостину и пустился со всѣхъ ногъ на недруговъ. Козелъ, какъ попроворнѣе, опять успѣлъ выскочить изъ огорода, чрезъ плетень, мелькнулъ— и былъ таковъ, пошелъ, пофыркивая, въ чистое поле; а бѣдная овца замялась, замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ на нее хворо-

стины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ что она стала кричать не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ огородникъ подумалъ про себя: чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ не раздѣлаться, — выгналъ ее въ калитку, да еще таки на дорогу вытянулъ во всю спину хворостиной.

Пришла овца домой и плачетъ на козла: этакій озорникъ, обидчикъ, завелъ меня, да и покинулъ; и за весь грѣхъ одна моя спина поплатилась! А козелъ говоритъ: а кто тебѣ велѣлъ за моимъ хвостомъ бѣгать? Я пошелъ самъ въ свою голову, такъ самъ за себя и отвѣчаю; коли мужикъ мнѣ бока отомнетъ — не стану плакаться ни на кого: ни на хозяина, зачѣмъ дома не кормитъ, ни на пастуха, что за мною не присмотрѣлъ; буду терпѣть, да молчать, коли попадусь, и только. А тебя зачѣмъ нелегкая за мною понесла? Я тебя не звалъ.

Гляди всякъ своими глазами, раскидывай своимъ умомъ и дѣлай, что и какъ разумѣешь. Чужой умъ не разжива; чужимъ умомъ не поживешь: а поживешь такъ и поплачешь.

Даль.

---

109. Троицынъ день.

Въ Троицынъ день я проснулась утромъ довольно поздно, и увидала свою кроватку всю въ молоденькихъ зеленыхъ березкахъ, а на постелькѣ полевые цвѣты. Радостно выглянувши сквозь пушистыя вѣтки, я попросила скорѣе одѣть меня и, въ праздничномъ платьицѣ, побѣжала осмотрѣть другія комнаты; вездѣ встрѣтили меня такія же, какъ и у кроватки, зеленыя березки, а на окнахъ и на столахъ букеты цвѣтовъ въ стеклянныхъ банкахъ изъ-подъ варенья и въ стаканахъ съ холодной водой.

Розовая дрема, лиловые колокольчики, пышныя вѣтки черемухи и сирени мѣшали свое свѣжее, ароматическое дыханье съ смолистымъ запахомъ едва развернувшихся листочковъ березы. Увидавши нѣсколько роскошныхъ букетовъ подъ образами, я спросила, зачѣмъ они тамъ; мнѣ сказали, что это букеты святые, потому что съ ними

стояли у обѣдни, и молясь плакали надъ ними о грѣхахъ своихъ. Въ верстахъ въ пяти отъ Карповки, сколько помнится мнѣ, было село и тамъ церковь. Въ Троицынъ день матушка ѣздила въ церковь съ большей частью комнатной прислуги, одѣтой по-праздничному, въ платьяхъ и платкахъ такихъ яркихъ цвѣтовъ, что они и теперь мнѣ иногда представляются.

По принятому обычаю, изъ дальняго времени, въ Троицынъ день считается необходимымъ стряпать дорочены, крупеники и яичницы, и идти съ ними въ рощу развивать вѣнки, завитые на березахъ въ Духовъ день; затѣмъ въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ на головѣ, съ пѣснями, относящимися къ празднеству, усѣвшись подъ деревьями въ кружокъ, отпраздновать Троицу крупениками и яичницами.

Послѣ обѣда, всѣ наши горничныя и дворовыя дѣвушки, а вмѣстѣ съ ними и мы съ братомъ, съ няньками, мамками и дядьками, завязавши въ чистыя салфетки блюда со стряпней, отправились въ рощу. Звонкія, веселыя пѣсни разсыпались по лугу и отзывались въ лѣсной чащѣ. Въ рощѣ, подъ развѣсистыми деревьями, на мѣстѣ, избранномъ еще наканунѣ, размѣстивши на травѣ блюда и противни, дѣвушки запѣли—

Подъ липою, подъ липою—
Подъ липою столъ стоитъ,
За тѣмъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты и травы,
Плела вѣнки, плела вѣнки,
Плела вѣнки изъ цвѣтовъ,—

и подъ пѣсню развивали на березкахъ сплетенные вѣнки, разгадывали по нимъ судьбу свою. Потомъ, продолжая пѣсню—

Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ
Носить будетъ,—

плели вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣвали ихъ другъ другу на головы, садились въ кружокъ и начинался пиръ. Когда все было съѣдено,

пошли мы на берегъ рѣчки, тамъ дѣвушки бросали въ рѣку вѣнки и по тому, куда вѣнокъ повлечетъ теченіемъ воды, рѣшали, въ какой сторонѣ жить.

Пассекъ.

110. Мельпикъ.

У мельника вода плотину прососала:
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати-ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить,
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Ей, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!“
А мельникъ говоритъ: „Далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата“.
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя!“ кричитъ: „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать“.
И въ нихъ полѣномъ—хвать.
Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,

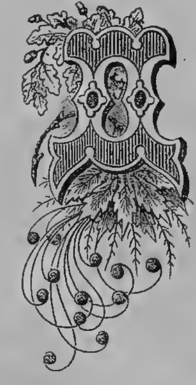
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ?

Крыловъ.

111. Въ лѣсъ по ягоды.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была охотница до этихъ ягодъ, но употреблять ихъ при кумысѣ доктора запрещали. Вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ мать стала ѣздить въ поле по ягоды, предпочтительно на залежи. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружающіе меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Макей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда возвращался уже къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро,

у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ. Мать обыкновенно скоро утомлялась собираньемъ ягодъ, и потому садилась на дроги, выѣзжала на дорогу и каталась по ней часъ и болѣе, и потомъ заѣзжала за нами; сначала мать каталась одна или съ отцемъ, но черезъ нѣсколько дней я сталъ проситься, чтобы она брала меня съ собою, и потомъ я уже всегда ѣздилъ прогуливаться съ нею. У насъ съ сестрицей были прекрасные съ крышечками берестовые бурачки, испещренные вытѣсненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, то есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачекъ, говорила: „Ну, барышня, опять набрала зеленухи!“ и потомъ наполняла ея бурачекъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды и что моя клубника лучше Евсеичевой: это, конечно, было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала, и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ея бурачекъ своей клубникой. По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій, чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки; изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія постилы; русскими назывались постилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими—тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмечками, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сначала едвали не болѣе собиранія ягодъ; но наконецъ и онѣ мнѣ наскучили. Болѣе всего я любилъ смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь,—можетъ быть, потому, что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахара начинаетъ вздуваться, пузыриться и покрываться бѣловатою пеленою.

Аксаковъ.

---

112. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями, рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ—сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На-возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ какъ домъ...
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

Майковъ.

---

113. Въ лѣсъ по грибы.

Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ Колкѣ *мостъ-мостомъ*, какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами,—взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно *ломать* грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичей и многихъ дворовыхъ женщинъ. Мнѣ очень было непріятно, что въ продолженіе всего обѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы и особенно надъ моимъ отцемъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и такъ, только для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: „не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями?“ Къ удивленію моему, мать сейчасъ согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: „только съ тѣмъ,

чтобъ ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, такъ займутся груздями, что тебя потеряютъ." Обрадованный неожиданнымъ позволеніемъ, я отвѣчалъ, что „ни на одну минуточку не отлучусь отъ отца". Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Мать съ бабушкой сидѣли на крыльцѣ, и мы поѣхали въ совершенной тишинѣ; всѣ молчали, но только съѣхали со двора, какъ на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ. Евсеичъ, тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, не подалеку другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: „здѣсь непремѣнно должны быть грузди; такъ и пахнетъ груздями"—и вдругъ закричала: „ахъ, я наступила на нихъ!" Мы съ отцемъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ, и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей, мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, проросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: „посмотри, Сережа, ка-

кіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ, они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу то обросли, и какъ пахнутъ!" Въ самомъ дѣлѣ молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.

Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: „пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!" Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги или роспуски, и еще долѣе бы ихъ проискали, еслибъ не услышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. Крѣпко привязанные къ молодымъ дубкамъ, добрые кони наши терпѣли страшную пытку отъ нападенія овода, т. е. мухъ слѣпней и строки; послѣдняя особенно кусается очень больно, потому что выбираетъ для своего кусанья мѣста на животномъ, не защищенныя волосами. Бѣдныя лошади, искусанныя въ кровь, безпрестанно трясли головами и гривами, обмахивались хвостами и били копытами въ землю, приводя въ сотрясеніе все свое тѣло, чтобы сколько нибудь отогнать своихъ мучителей. Форрейторъ, ѣхавшій кучеромъ на телѣгѣ, нарочно оставленный обмахивать коней, для чего ему была срѣзана длинная зеленая вѣтка, спалъ преспокойно подъ тѣнью дерева. Отецъ побранилъ его, а Евсеичъ погрозилъ, что скажетъ старому кучеру Трофиму, и что тотъ ему даромъ не спуститъ. Многія горничныя дѣвушки, съ лукошками полными груздей, скоро къ намъ присоединились, а нѣкоторыя, видно, зашли далеко. Мы не стали ихъ дожидаться и поѣхали домой.

Мы воротились къ самому чаю. Бабушка сидѣла на крыльцѣ и мы поставили передъ ней наши корзины и кузовья Евсеича и Матрены, полные груздей. Бабушка вообще любила грибы, а грузди въ особенности; она любила кушать ихъ жареные въ сметанѣ, отварные въ разсолѣ, а всего болѣе соленые. Она долго, съ дѣтской радостью, разбирала грузди, откидывая маленькіе къ маленькимъ, средніе къ среднимъ, и большіе къ большимъ. Бабушка имѣла странный вкусъ: она охотница была кушать въ смятку несвѣжія яица, а грибы любила старые и червивые и, найдя въ

кузовѣ Матрены пожелтѣлые трухлявые грузди, она сейчасъ же послала ихъ изжарить на сковородѣ.

Аксаковъ.

---

114. Лѣтній вечеръ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучемъ.
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь,
Вездѣ-жъ работа—на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ записывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй;
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ.
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить;

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ, въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лугахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ:
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда—
Оно лишь только въ глубину.
А онъ какъ разъ на вышину.
Того и жди, что заблеститъ:
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла

Гостепріимные огни
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

---

115. Страда.

Было около полудня. Солнце пекло невыносимо; въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскаленной печкѣ. Поля и окрестность обозначались въ отдаленіи какими-то движущимися, волнующимися очертаніями; кой гдѣ развѣ подъ воротами да навѣсами, бросавшими синевато-сковозныя тѣни, можно было найти убѣжище отъ зноя.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мертвая.

Въ иное время, въ тотъ же полдень, когда все отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу мальчишекъ, играющихъ у колодца, или старушонку, разстилающую холсты на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька съ ближайшаго плота; теперь все пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ..... Пора стоитъ рабочая, страдная пора, какъ называютъ ее въ деревняхъ. Теперь и старушки, и дѣти ихъ, и даже животныя, все живмя живетъ въ полѣ. Вотъ, почему такъ тихо въ деревнѣ, и кромѣ неугомонныхъ воробьевъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного конопляннника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ. Лѣсъ погруженъ былъ въ какую-то сладкую дрему; каждая вѣтка лѣниво отдыхала въ тишинѣ и зноѣ; листъ не шелыхался; все было тихо и вмѣстѣ съ тѣмъ полно таинственной жизни. Кой гдѣ лопнетъ стручокъ, сбрасывающій сѣмя; прожужжитъ насѣкомое въ жирной травѣ, опутывающей мшистые крни; тамъ, изъ подъ темной груды слѣпившихся листьевъ, тяжело ломится мухоморъ, и алая шапка его, облитая лучемъ, случайно прорѣзавшимъ тучную листву, ярко сверкаетъ посреди

лиловыхъ колокольчиковъ, бузины и кашки, покрытыхъ синею тѣнью; прокричитъ иволга,—и снова тишина...

Мало-по-малу стали открываться поля и лощины. Тутъ все дышало жизнію. По обѣимъ сторонамъ проселка желтѣли нивы, усѣянныя золотыми копнами; все обозначало кончаніе жатвы; изъ рѣдкаго кустарника не торчали пучки колосьевъ, прицѣпившихся во время возки; кой-гдѣ между гладко-скошенными нивами попадались клинья еще нетронутаго хлѣба; бѣлыя рубашки жницъ мелькали въ нихъ, какъ сѣдые барашки на волнующемся морѣ; то тутъ, то тамъ выглядывало смуглое полное, личико, осѣненное васильками, подымалась обнаженная рука съ пучкомъ длинныхъ колосьевъ, сверкалъ серпъ на солнцѣ. Насѣкомыя, оживленныя зноемъ, носились роями въ синемъ небѣ, производя отдаленную музыку, которая, казалось, еще сильнѣе давала чувствовать жизненность окрестности. Всюду между рядами копенъ подымались высокія телѣги, навьюченныя снопами: подлѣ бродили распряженныя лошади; въ прозрачномъ полусвѣтѣ, бросаемомъ подводами, отдыхали, развалившись, ребята, бабы и мужики съ ихъ дюжими, плотными работниками. Несвязный говоръ поселянъ, кой-гдѣ начатая пѣсня, трескъ кузнечика, голосъ жаворонка, серебряное ржаніе жеребенка въ отдаленьи,—все это, сливаясь вмѣстѣ, придавало полямъ какое-то приволье, жизнь, что-то чарующее, манящее въ эту тѣнь подводъ, въ эту желтую, тучную рожь, испещренную цвѣтами и лѣниво клонившуюся къ землѣ.

Григоровичъ.

---

116. Жатва.

Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ,
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ,
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ,

Изо ржи словно изъ печи
Тоже тепломъ обдаетъ,
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ,
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жни-дожинай поскорѣе,
Видишь—зерно потекло...

Некрасовъ.

---

117. Сѣнокосъ.

На другое утро Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и когда онъ пріѣхалъ на покосъ, косцы шли уже по второму ряду.

Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣнистая, уже скошенная часть луга, съ сѣрѣющими рядами и черными кучками кафтановъ, снятыхъ косцами на томъ мѣстѣ, откуда они зашли первый рядъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ подъѣзжалъ, ему открывались шедшіе другъ за другомъ растянутою вереницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человѣка.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной, бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косой; тутъ былъ молодой Васька, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размаха бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косьбѣ дядька Левина, маленькій, худенькій мужичокъ. Онъ, не сгибаясь, шелъ передомъ, какъ-бы играя косой, срѣзывая свой широкій рядъ.

Левинъ слѣзъ съ лошади, и, привязавъ ее у дороги, сошелся съ Титомъ, который, доставъ изъ куста вторую косу, подалъ ее.

— Готова, баринъ! брѣетъ, сама коситъ, сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку, и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и, посмѣиваясь, здоровались съ бариномъ. Они всѣ глядѣли на него, но никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, пока вышедшій на дорогу высокій старикъ со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему:

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, неотставать!—сказалъ онъ, и Левинъ услыхалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать, сказалъ онъ, становясь за Титомъ, и выжидая времени начинать.

— Мотри, повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и смущенный обращенными на себя взглядами, въ первыя минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь ему сгибаться какъ, сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налягай, сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрыкается, продолжалъ старикъ.—Вишь, пошелъ... Широкъ рядъ берешь, умаешься... Хозяинъ, нельзя, для себя старается! А вишь подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушая, но не отвѣчая и стараясь косить какъ-можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ, не останавливаясь, не выказывая ни малѣйшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что онъ не выдержитъ: такъ онъ усталъ. Онъ чувствовалъ, что махаетъ изъ послѣднихъ силъ, и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился, и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, оглянулся. Сзади его шелъ мужикъ, и очевидно также усталъ,

потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше. На второмъ пріемѣ было тоже. Титъ шелъ шагъ за шагомъ, не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ, стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступила минута, когда, онъ чувствовалъ, у него неостается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ показался особенно труденъ Левину; но за то, когда рядъ былъ дойденъ, и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленнымъ шагомъ пошелъ ходить по слѣдамъ, оставленнымъ его каблуками по прокосу, и Левинъ точно также пошелъ по своему прокосу,—несмотря на то, что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа, и вся спина его была мокра, какъ вымоченная въ водѣ,—ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то, что онъ узналъ теперь, что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ, что рядъ его былъ не хорошъ. „Буду меньше махать рукой, больше всѣмъ туловищемъ", думалъ онъ, сравнивая какъ по ниткѣ обрѣзанный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и неровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шелъ особенно быстро, вѣроятно желая попытать барина, и рядъ попался длиненъ. Слѣдующіе ряды были уже легче, но Левинъ всетаки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ, кромѣ того, чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сработать. Онъ слышалъ только лязгъ косъ и видѣлъ предъ собой удалявшуюся, прямую фигуру Тита, выгнутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвія своей косы, и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступитъ отдыхъ.

Не понимая, что это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванья косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шелъ крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и надѣли ихъ; другіе,—точно такъ же,

какъ Левинъ,—только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣженіемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинные, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени, и рѣшительно не зналъ, поздно, или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна, доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты, во время которыхъ онъ забывалъ то, что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти также ровенъ и хорошъ, какъ и у Тита. Но только что онъ вспоминалъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, и начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда, и рядъ выходилъ дуренъ.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце.

„О чемъ это они говорятъ, и отчего онъ не заходитъ рядъ?“ подумалъ Левинъ, не догадываясь, что мужики, не переставая, косили уже не менѣе четырехъ часовъ, и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ, сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу, и, вмѣстѣ съ мужиками, пошедшими къ кафтанамъ за хлѣбомъ, чрезъ слегка побрызганные дождемъ ряды длиннаго скошеннаго пространства, пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ, что не угадалъ погоду, и дождь мочилъ его сѣно.

— Испортитъ сѣно, сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ дождь коси, въ погоду греби!—сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь, и поѣхалъ домой пить кофе.

Толстой.

---

118. Солнце и Мѣсяцъ.

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
„Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?“
Робко онъ меня спросилъ.
—Въ день-деньской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь:
„Лягъ, засни—и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ!“
И взмолилось Солнце брату:
„Другъ мой, мѣсяцъ молодой!
„Ты зажги фонарь и—ночью
„Обойди ты край земной.
„Кто тамъ молится, кто плачетъ,
„Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
„Все развѣдай—и поутру
„Приходи и дай мнѣ знать“.
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой,
Завтра-жъ рано-рано къ Солнцу
Постучится братъ меньшой.
Стукъ-стукъ-стукъ!—Отворятъ двери:
Солнце, встань! грачи летятъ;
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ!
Солнце встанетъ,—Солнце спроситъ:
„Что, голубчикъ, братецъ мой?
„Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
„Что ты блѣденъ? что съ тобой?“
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ;
Если нѣтъ,—взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

Полонскій.

119. Передъ уборкой.

Было то время года, перевалъ лѣта, когда урожай нынѣшняго года уже опредѣлился, когда начинаются заботы о посѣвѣ будущаго года и подошли покосы, когда рожь вся выколосилась и, сѣрозеленая, не налитымъ, еще легкимъ колосомъ волнуется по вѣтру, когда зеленые овсы, съ раскиданными по нимъ кустами желтой травы, неровно выкидываются по позднимъ посѣвамъ, когда ранняя гречиха уже лопушится, скрывая землю, когда убитые въ камень скотиной пары, съ оставленными дорогами, которыя не беретъ соха, вспаханы до половины; когда присохшія вывезенныя кучи навоза пахнутъ по зарямъ вмѣстѣ съ медовыми травами, и на низахъ, ожидая косы, стоятъ сплошнымъ моремъ береженые луга съ чернѣющимися кучами стеблей выполоннаго щавельника.

Было то время, когда въ сельской работѣ наступаетъ короткая передышка, предъ началомъ ежегодно повторяющейся, и ежегодно вызывающей всѣ силы народа, уборки. Урожай былъ прекрасный, и стояли ясные, жаркіе лѣтніе дни, съ росистыми короткими ночами.

Толстой.

---

120. Урожай.

Ужъ налились колосики.
Стоятъ столбы точеные,
Головки золоченыя,
Задумчиво и ласково
Шумятъ. Пора чудесная!
Нѣтъ веселѣй, нарядпѣе,
Богаче нѣтъ поры!
Ой, поле многохлѣбное!
Теперь и не подумаешь,
Какъ много люди Божіи

Побились надъ тобой,
Покамѣсть ты одѣлося
Тяжелымъ, ровнымъ колосомъ
И стало передъ пахаремъ,
Какъ войско предъ царемъ!
Не столько росы теплыя,
Какъ потъ съ лица крестьянскаго
Увлажили тебя!...
Вся овощь огородная
Поспѣла: дѣти носятся
Кто съ рѣпой, кто съ морковкою,
Подсолнечникъ лущатъ,
А бабы свеклу дергаютъ,
Такая свекла добрая!
Точь-въ-точь сапожки красные
Лежатъ на полосѣ.

Некрасовъ.

121. Уборка хлѣба.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой, густой ржи виднѣлись кой-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина, въ тѣни нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, снявъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жуж-

жанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Толстой.

122. Лѣто.

Посмотрю пойду
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ—лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка—
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Кольцовъ.

123. Два крестьянина и облако.

„Смотри-ко, братъ Антонъ“
Сосѣду говоритъ крестьянинъ Агафонъ,
А самъ весь поблѣднѣлъ и такъ, какъ листъ, трясется;
„Смотри-ко, туча къ намъ несется“.

Такъ что-жь?—„Какъ что? да градъ пойдетъ
И хлѣбъ у насъ побьетъ;
Все пропадетъ:
Озимое и яровое;
Голодный будетъ годъ; а тамъ, гляди, и моръ!....“
— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое;
Какой несешь ты вздоръ!
Не градъ, а дождь пойдетъ: давно къ дождю вѣдь паритъ....
Вотъ каплетъ, кажется. Ужь то-то хлѣбъ поправитъ!
Мы уберемъ его и много продадимъ,
Да браги наваримъ:
Гуляй и пей ужо зимою!
Пусть дождь идетъ, я очень радъ!
„Ну, посмотри, посыплетъ градъ!“
— Нѣтъ, дождь пойдетъ.—„Градъ!“
— Дождь!—„Не спорь же ты со мною!“
— Да что и спорить съ дуракомъ!.....
Антонъ за это хвать сосѣда кулакомъ;
Тотъ въ ухо самъ его, и драка началася.
Ни градъ, ни дождь еще нейдетъ,
А кровь ужь изъ обоихъ льетъ.
Межъ тѣмъ прочистилось, и—туча пронеслася.

Измайловъ.

---

124. Охота.

Проснувшись на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей. Васенька, лежа на животѣ и вытянувъ одну ногу въ чулкѣ, спалъ такъ крѣпко, что нельзя было отъ него добиться отвѣта. Облонскій сквозь сонъ отказался идти такъ рано. Даже и Ласка, спавшая, свернувшись кольцомъ, въ краю сѣна, неохотно встала, и лѣниво, одну за другой, вытягивала и расправляла свои заднія ноги. Обувшись, взявъ ружье, и осторожно отворивъ скрипучую дверь сарая, Левинъ вышелъ на улицу. Кучера спали у

экипажей, лошади дремали. Одна только лѣниво ѣла овесъ, раскидывая его храпомъ по колодѣ. На дворѣ еще было сѣро.

— Что рано такъ поднялся, касатикъ?—дружелюбно, какъ къ старому доброму знакомому, обратилась къ нему вышедшая изъ избы старуха-хозяйка.

— Да на охоту, тетушка! Тутъ пройду на болото?

— Прямо задами; нашими гумнами, милый человѣкъ, да коноплями; стежка тамъ.

Осторожно шагая босыми загорѣлыми ногами, старуха проводила Левина, и откинула ему загородку у гумна.

— Прямо такъ и стеганешь въ болото. Наши ребята туда вечоръ погнали.

Ласка весело бѣжала впереди по тропинкѣ; Левинъ шелъ за нею быстрымъ, легкимъ шагомъ, безпрестанно поглядывая на небо. Ему хотѣлось, чтобы солнце не взошло прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до болота. Но солнце не мѣшкало. Мѣсяцъ, еще свѣтившій, когда онъ выходилъ, теперь только блестѣлъ, какъ кусокъ ртути; утреннюю зарницу, которую прежде нельзя было не видѣть, теперь надо было искать; прежде неопредѣленныя пятна на дальнемъ полѣ теперь уже ясно были видны. Это были ржаныя копны. Невидная еще безъ солнечнаго свѣта, роса въ душистой высокой коноплѣ, изъ которой выбраны были уже замашки, мочила ноги и блузу Левина выше пояса. Въ прозрачной тишинѣ утра слышны были малѣйшіе звуки. Пчелка со свистомъ пули пролетѣла мимо уха Левина. Онъ приглядѣлся и увидѣлъ еще другую и третью. Всѣ онѣ вылетали изъ-за плетня пчельника, и надъ коноплей скрывались по направленію къ болоту. Болото можно было узнать по парамъ, которые поднимались изъ него гдѣ гуще, гдѣ рѣже, такъ что осока и ракитовые кустики, какъ островки, колебались на этомъ парѣ. На краю болота и дороги, мальчишки и мужики, стерегшіе ночное, лежали, и предъ зарей всѣ спали подъ кафтанами. Недалеко отъ нихъ ходили три спутанныя лошади. Одна изъ нихъ гремѣла кандалами. Ласка шла рядомъ съ хозяиномъ, просясь впередъ и оглядываясь. Пройдя спавшихъ мужиковъ и поровнявшись съ первою мочежинкой, Левинъ осмотрѣлъ пистоны, и пустилъ собаку. Одна изъ лошадей, сытый бурый тре-

тьякъ, увидавъ собаку, шарахнулся, и, поднявъ хвостъ, фыркнулъ. Остальныя лошади тоже испугались, и, спутанными ногами шлепая по водѣ и производя вытаскиваемыми изъ густой глины копытами звукъ подобный хлопанью, запрыгали изъ болота. Ласка остановилась, насмѣшливо посмотрѣвъ на лошадей и вопросительно на Левина. Левинъ погладилъ Ласку и посвисталъ, въ знакъ того, что можно начинать. Ласка весело и озабоченно побѣжала по колеблющейся подъ нею трясинѣ.

Вбѣжавъ въ болото, Ласка тотчасъ же, среди знакомыхъ ей запаховъ кореньевъ, болотныхъ травъ, ржавчины и чуждаго запаха лошадинаго помета, почувствовала разсѣянный по всему этому мѣсту запахъ птицы, той самой пахучей птицы, которая болѣе всѣхъ другихъ волновала ее. Кое-гдѣ по моху и лопушкамъ болотнымъ запахъ этотъ былъ очень силенъ, но нельзя было рѣшить, въ какую сторону онъ усиливался и ослабѣвалъ. Чтобы найти направленіе, надо было отойти дальше подъ вѣтеръ. Не чувствуя движенія своихъ ногъ, Ласка напряженнымъ галопомъ, такимъ, что при каждомъ прыжкѣ она могла остановиться, если встрѣтится необходимость, поскакала направо прочь отъ дувшаго съ востока предразсвѣтнаго вѣтерка, и повернулась на вѣтеръ. Вдохнувъ въ себя воздухъ расширенными ноздрями, она тотчасъ же почувствовала, что не слѣды только, а *они* сами были тутъ, предъ нею, и не одинъ, а много. Ласка уменьшила быстроту бѣга. Они были тутъ, но гдѣ именно, она не могла еще опредѣлить. Чтобы найти это самое мѣсто, она начала уже кругъ, какъ вдругъ голосъ хозяина развлекъ ее. „Ласка! тутъ!“ сказалъ онъ, указывая ей въ другую сторону. Она постояла, спрашивая его, не лучше ли дѣлать какъ она начала. Но онъ повторилъ приказанье сердитымъ голосомъ, показывая въ залитый водою кочкарникъ, гдѣ ничего не могло быть. Она послушала его, притворяясь, что ищетъ; чтобы сдѣлать ему удовольствіе, излазила кочкарникъ, и вернулась къ прежнему мѣсту, и тотчасъ же опять почувствовала ихъ. Теперь, когда онъ не мѣшалъ ей, она знала, что дѣлать, и, не глядя себѣ подъ ноги и съ досадой спотыкаясь по высокимъ кочкамъ и

попадая въ воду, но справляясь гибкими, сильными ногами, начала кругъ, который все долженъ былъ объяснить ей. Запахъ *ихъ* все сильнѣе и сильнѣе, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе поражалъ ее, и вдругъ ей вполнѣ стало ясно, что одинъ изъ нихъ тутъ, за этою кочкой, въ пяти шагахъ предъ нею, и она остановилась, и замерла всѣмъ тѣломъ. На своихъ низкихъ ногахъ она ничего не могла видѣть предъ собой, но она по запаху знала, что онъ сидѣлъ не далѣе пяти шаговъ. Она стояла, все больше и больше ощущая его, и наслаждаясь ожиданіемъ. Напряженный хвостъ ея былъ вытянутъ, и вздрагивалъ только въ самомъ кончикѣ. Ротъ ея былъ слегка раскрытъ, уши приподняты. Одно ухо заворотилось еще на бѣгу, и она тяжело, но осторожно дышала, и еще осторожнѣе оглянулась, больше глазами, чѣмъ головой, на хозяина. Онъ съ его привычнымъ ей лицомъ, но всегда страшными глазами, шелъ спотыкаясь по кочкамъ, и необыкновенно плохо, какъ ей казалось. Ей казалось, что онъ шелъ тихо, а онъ бѣжалъ.

Замѣтивъ тотъ особенный поискъ Ласки, когда она прижималась вся къ землѣ, какъ будто загребала большими шагами задними ногами, и слегка раскрывала ротъ, Левинъ понялъ, что она тянула по дупелямъ, и, въ душѣ помолившись Богу, чтобы былъ успѣхъ, особенно на первую птицу, подбѣжалъ къ ней. Подойдя къ ней вплоть, онъ сталъ съ своей высоты смотрѣть предъ собою и увидалъ глазами то, что она видѣла носомъ. Въ проулочкѣ между кочками, на одной виднѣлся дупель. Повернувъ голову, онъ прислушивался. Потомъ, чуть расправивъ и опять сложивъ крылья, онъ, неловко вильнувъ задомъ, скрылся за уголъ.

— Пиль, пиль, — крикнулъ Левинъ, толкая въ задъ Ласку. „Но я не могу идти“, думала Ласка. „Куда я пойду? Отсюда я чувствую ихъ, а если я двинусь впередъ, я ничего не пойму, гдѣ ни и кто они.“ Но вотъ онъ толкнулъ ее колѣномъ, и взволнованнымъ шепотомъ проговорилъ: Пиль, Ласочка, пиль! „Ну, такъ если онъ хочетъ этого, я сдѣлаю, но я за себя уже не отвѣчаю теперь“, подумала она, и со всѣхъ ногъ рванулась впередъ между

кочекъ. Она ничего уже не чуяла теперь, и только видѣла и слышала, ничего не понимая.

Въ десяти шагахъ отъ прежняго мѣста, съ жирнымъ хорканьемъ и особеннымъ дупелинымъ выпуклымъ звукомъ крыльевъ, поднялся одинъ дупель. И вслѣдъ за выстрѣломъ тяжело шлепнулся бѣлою грудью о мокрую трясину. Другой не дождался, и сзади Левина поднялся безъ собаки.

Когда Левинъ повернулся къ нему, онъ былъ уже далеко. Но выстрѣлъ досталъ его. Пролетѣвъ шаговъ двадцать, второй дупель поднялся кверху коломъ, и кубаремъ, какъ брошенный мячикъ, тяжело упалъ на сухое мѣсто.

„Вотъ это будетъ толкъ!“ думалъ Левинъ, запрятывая въ ягташъ теплыхъ и жирныхъ дупелей. „А, Ласочка? будетъ толкъ?“

Когда Левинъ, зарядивъ ружье, тронулся дальше, солнце, хотя еще не видное за тучками, уже взошло. Мѣсяцъ, потерявъ весь блескъ, какъ облачко бѣлѣлъ на небѣ; звѣздъ не видно было уже ни одной. Мочежинки, прежде серебрившіяся росой, теперь золотились. Ржавчина была вся янтарная. Синева травъ перешла въ желтоватую зелень. Болотныя птички копошились на блестящихъ росою и клавшихъ длинную тѣнь кустикахъ у ручья. Ястребъ проснулся и сидѣлъ на копнѣ, съ боку на бокъ поворачивая голову, недовольно глядя на болото. Галки летѣли въ поле, и босоногій мальчишка уже подгонялъ лошадей къ поднявшемуся изъ-подъ кафтана и почесывавшемуся старику. Дымъ отъ выстрѣловъ какъ молоко бѣлѣлъ по зелени травы.

Одинъ изъ мальчишекъ подбѣжалъ къ Левину.

— Дяденька, утки вчера туто были!—прокричалъ онъ ему, и пошелъ за нимъ издалека.

И Левину, въ виду этого мальчика, выражавшаго свое одобреніе, было вдвойнѣ пріятно убить еще тутъ же разъ-за разомъ трехъ бекасовъ.

Толстой.

---

125. Крестьянскія дѣти.

Ухъ, жарко...! До полдня грибы собирали,
Вотъ изъ лѣсу вышли—на встрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ, и воемъ:
Тутъ драка—не драка, игра не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое—
Не пьетъ! отступились...
Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье;
Кто няньчитъ сестренку, двухлѣтнюю Глашку:
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску;
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,—
Сплела себѣ славный вѣнокъ:
Все бѣленькой, желтенькой, блѣднолиловой
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку;
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди, ужъ чернехоньки зубы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,

Зайченокъ ли вскочитъ—содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живаго въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

Некрасовъ.

126. Русская пѣснь.

Возъ былъ увязанъ. Иванъ спрыгнулъ и повелъ за поводъ добрую, сытую лошадь. Баба вскинула на возъ грабли, и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, пошла къ собравшимся хороводомъ бабамъ. Иванъ, выѣхавъ на дорогу, вступилъ въ обозъ съ другими возами. Бабы съ граблями на плечахъ, блестя яркими цвѣтами, и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возовъ. Одинъ грубый, дикій бабій голосъ затянулъ пѣсню и допѣлъ ее до повторенья, и дружно, въ разъ, подхватили опять съ начала ту же пѣсню полсотни разныхъ, грубыхъ и тонкихъ, здоровыхъ голосовъ. Бабы съ пѣснью приближались къ Левину, и ему казалось, что туча съ громомъ веселья надвигалась на него. Туча надвинулась, захватила его, и—копна, на которой онъ лежалъ, и другіе копны и воза, и весь лугъ съ дальнимъ полемъ—все заходило и заколыхалось подъ размѣры этой дикой развеселой пѣсни съ вскриками, присвистами и еканьями.

Толстой.

127. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.

Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній.
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
...... Съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ, и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай, и завыванье,
Волынки говоръ, скрыпъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно.

Пушкинъ.

128. Охота съ ястребомъ.

Въ Багровѣ каждый годъ производилась охота съ ястребами за перепелками, которыхъ всѣ любили кушать и свѣжихъ и соленыхъ. Въ этотъ годъ также были вынуты изъ гнѣзда и выкормлены въ клѣткѣ, называвшейся „садкомъ“, два ястреба, изъ которыхъ одинъ находился на рукахъ у Филиппа, стараго сокольника моего отца, а другой у Ивана Мазана, нѣкогда ходившаго за дѣдушкой, который, не смотря на то, что до нашего пріѣзда ежедневно посылался жать, не разставался съ своимъ ястребомъ и вынашивалъ его по ночамъ. Ястребами начали травить, и каждый день поздно вечеромъ приносили множество жирныхъ перепелокъ и коростелей. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть эту охоту, но мать не пускала. Наконецъ отецъ самъ поѣхалъ и взялъ меня съ собой. Охота мнѣ очень понравилась и, по увѣренію моего отца, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго, и по его просьбамъ, мать стала отпускать меня съ Евсеичемъ. Я очень скоро пристрастился къ травлѣ *ястребочкомъ*, какъ говорилъ Евсеичъ, и въ тотъ счастливый день, въ который получалъ съ утра позволенье ѣхать на охоту, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени, то есть часовъ двухъ пополудни, когда Филиппъ или Мазанъ, выспавшись послѣ ранняго обѣда, явится съ бодрымъ и голоднымъ ястребомъ на рукѣ, съ собственной своей собакой, на веревочкѣ (потому что у обоихъ собаки гонялись за перепелками) и скажетъ: „пора, сударь, на охоту“. Роспуски уже давно были запряжены, и мы отправлялись въ поле. Я не только любилъ смотрѣть, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ свою добычу, я любилъ все въ охотѣ: какъ собака, почуявъ слѣды перепелки, начнетъ горячиться, мотать хвостомъ, фыркать, прижимая носъ къ самой землѣ, какъ по мѣрѣ того, какъ она подбирается къ птицѣ, горячность ея часъ отъ часу увеличивается, какъ охотникъ, высоко поднявъ на правой рукѣ ястреба, а лѣвою рукою удерживая на своркѣ горячую собаку, подсвистывая, горячась самъ, почти бѣжитъ за ней, какъ вдругъ собака, иногда искривясь на бокъ, загнувъ носъ въ сторону, какъ будто окаменѣетъ на мѣстѣ, какъ охотникъ кричитъ запальчиво:

„пиль, пиль“ и наконецъ толкаетъ собаку ногой, какъ, Богъ знаетъ откуда, изъ подъ самаго носа съ шумомъ и чоканьемъ вырывается перепелка—и уже догоняетъ ее съ распущенными когтями жадный ястребъ, и уже догналъ, схватилъ, пронесся нѣсколько саженъ, и опускается съ добычею въ траву или жниву—на это, пожалуй, всякій посмотритъ съ удовольствіемъ. Но я также любилъ смотрѣть, какъ охотникъ, подбѣжавъ къ ястребу, ставъ на колѣни и осторожно наклонясь надъ нимъ, обмявъ кругомъ траву и оправивъ его распущенныя крылья, начнетъ бережно отнимать у него перепелку, какъ потомъ полакомитъ ястреба оторванной головкой и снова пойдетъ за новой добычей; я любилъ смотрѣть, какъ охотникъ кормитъ своего ловца, какъ ястребъ щиплетъ перья и пухъ, который пристаетъ къ его окровавленному носу, и какъ онъ отряхаетъ, чиститъ его объ рукавицу охотника; какъ ястребъ сначала жадно глотаетъ большіе куски мяса и даже небольшія кости и наконецъ набиваетъ свой зобъ въ цѣлый кулакъ величиною. Въ этой-то любви обнаруживался будущій охотникъ. Но, увы! какъ я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрицѣ—обѣ говорили, что это жалко и противно.

Аксаковъ.

---

129. Гришуха.

Рожь сняли,—полегче тутъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрыпя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ,

— Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ“, сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ.—Чай, не рано.
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
—Бѣжитъ!.. у!— бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черенъ какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ);
Попотчивалъ баушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ.
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался,—оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ.

Некрасовъ.

---

150. Рыбная ловля неводомъ.

Наконецъ стали пріѣзжать къ намъ гости. Одинъ разъ съѣхались охотники до рыбной ловли. Затѣяли большую рыбную ловлю неводомъ; достали неводъ, кажется, у Башкирцевъ, а также

еще нѣсколько лодокъ; двѣ изъ нихъ, побольше, связали вмѣстѣ, покрыли поперекъ досками, приколотили доски гвоздями и такимъ образомъ сдѣлали маленькій паромъ съ лавочкой, на которой могли сидѣть дамы. Въ одну чудную, тихую, мѣсячную ночь, мы всѣ, кромѣ матери, отправились на тоню. Я сидѣлъ съ дамами на паромѣ. Безъ всякаго шума, осторожно завели неводъ и спустили его въ воду, окружа одинъ большой затонъ, или плесо, продолговатымъ полукругомъ вдавшееся въ берегъ. Туда ночью на отмель собирались безчисленныя стаи лещей. Едва только подтянули клячи невода къ берегамъ затона, какъ уже начало оказываться множество захваченной рыбы; мы слѣдовали на паромѣ за мотней и видѣли въ ней такое движеніе и возню, что наши дамы, а вмѣстѣ съ ними и я, испускали радостные крики; многія огромныя рыбы прыгали черезъ верхъ, или бросались въ узкіе промежутки между клячами и берегомъ: это были щуки и жерихи. Хранившіе до сихъ поръ молчаніе рыбаки, плывшіе съ боковъ на лодкахъ или тянувшіе неводъ, подняли шумъ, крикъ и хлопанье клячевыми веревками по водѣ, чтобъ заставить рыбу воротиться въ середину невода. Мы поспѣшили пристать къ берегу, чтобъ видѣть, какъ будутъ вытаскивать рыбу. Удивительно и трудно повѣрить, что я не раздѣлялъ общаго увлеченія, и потому былъ внимательнымъ наблюдателемъ всей этой живой и одушевленной картины. Наконецъ выбрали и накидали цѣлыя груды мокрой сѣти, то есть, стѣнъ, или крыльевъ невода, показалась мотня, изъ длинной и узкой сдѣлавшаяся широкою и круглою отъ множества попавшейся рыбы; наконецъ, стало такъ трудно тащить по мели, что принуждены были остановиться, изъ опасенія, чтобъ не лопнула мотня; поднявъ высоко верхніе подборы, чтобъ рыба не могла выпрыгивать, нѣсколько человѣкъ съ ведрами и ушатами бросились въ воду и хватая рыбу, биткомъ набившуюся въ мотню, какъ въ мѣшокъ, накладывали ее въ свою посуду, выбѣгали на берегъ, вытряхивали на землю добычу и снова бросались за нею; облегчивъ такимъ образомъ тяжесть груза, всѣ дружно схватились за нижніе и верхніе подборы и съ громкимъ крикомъ выволокли мотню на берегъ. Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и по-

тому послали за телѣгой; по большей части были серебряные и золотые лещи, ярко блиставшіе на лунномъ свѣтѣ; попалось также довольно крупной плотвы, язей и окуней; щуки, жерихи и головли повыскакали, потому что были вороваты, какъ утверждали рыбаки. Сколько тутъ было суматошной бѣготни и веселаго крику! Дамы также принимали живое участіе. Я часто слышалъ восклицанія Евсеича: „Вотъ лещъ-то! Ровно заслонъ!“ Но, видно, я былъ настоящій рыбакъ по природѣ, потому что и тогда говорилъ Евсеичу: „вотъ еслибъ на удочку вытащить такого леща!“ Мнѣ даже стало какъ-то невесело, что поймали такое множество крупной рыбы, которая могла бы клевать у насъ; мнѣ было жалко, что такъ опустошили озеро, и я печально говорилъ Евсеичу, что теперь уже не будетъ такого клеву, какъ прежде; но онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что въ озерѣ такая тьма тьмущая рыбы, что озеро такъ велико и тянули неводомъ такъ далеко отъ нашихъ мостковъ—что клевъ будетъ не хуже прежняго. „Вотъ завтра самъ увидишь, соколикъ“, прибавилъ онъ, и я, совершенно успокоенный его словами, развеселился и принялъ болѣе живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Мало-по-малу все пришло въ порядокъ; крупной рыбой нагрузили телѣгу, а остальную понесли въ ведрахъ и ушатѣ. Все общество весело пошло домой за телѣгой, нагруженной рыбой. Мать, удостовѣрившись, что мои ноги и платье сухи, напоила меня чаемъ и положила спать подъ одинъ пологъ съ сестрицей, которая давно уже спала, а сама воротилась къ гостямъ. Какъ было весело мнѣ засыпать подъ нашимъ пологомъ, вспоминая недавнюю тоню, слыша сквозь дверь, завѣшенную ковромъ, громкій смѣхъ и веселыя рѣчи, мечтая о завтрашнемъ утрѣ, когда мы съ Евсеичемъ съ удочками сядемъ на мосткахъ. Проснувшись на другой день поутру ранѣе обыкновеннаго, я увидѣлъ, что мать уже встала, и узналъ, что она начала пить свой кумысъ и гулять по двору и по дорогѣ, ведущей въ Уфу; отецъ также всталъ, а гости наши еще спали: женщины занимали единственную комнату подлѣ насъ, отдѣленную перегородкой, а мущины спали на подволокѣ, на толстомъ слоѣ сѣна, покрытомъ кожами и простынями. Я проворно одѣлся, побѣжалъ къ матери поздороваться и попросился удить.

Мать отпустила меня безъ малѣйшаго затрудненія, и я безъ чаю поспѣшилъ съ Евсеичемъ на озеро. Правъ былъ Евсеичъ! Никогда такъ еще не клевала рыба, какъ въ это утро. „Вотъ видишь, соколикъ, говорилъ Евсеичъ, рыбы-то стало больше. Ее вчеромъ напугали неводомъ, она и привалила сюда“. Справедливо ли было заключеніе Евсеича или нѣтъ, только рыба брала отлично. Странно, что моя охотничья жадность слишкомъ скоро удовлетворилась отъ мысли: „а куда же намъ дѣваться съ этой рыбой, которой и вчера наловлено такое множество?“ Въ послѣдствіи развилось во мнѣ это чувство въ большихъ размѣрахъ и всегда охлаждало мою охотничью горячность. Я сообщилъ мое сомнѣніе Евсеичу, но онъ говорилъ, что это ничего, что всю рыбу сегодня же пересушимъ или прокоптимъ. Хотя такое объясненіе меня нѣсколько успокоило, но я захотѣлъ воротиться домой гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Аксаковъ.

---

131. Съ удочкой.

Огромныя щуки и жерихи то и дѣло выскакивали изъ воды, гоняясь за мелкой рыбою, которая металась и плавилась безпрестанно. Мѣстами около береговъ и травъ рябила вода отъ рыбьихъ стай, которыя тѣснились на мель и даже выскакивали на береговую траву: мнѣ сказали, что это рыба мечетъ икру. Всего болѣе водилось въ озерѣ окуней и особенно лещей. Мы размотали удочки и принялись удить. Отецъ взялъ самую большую съ крѣпкою лесою, насадилъ какого-то необыкновенно толстаго червяка и закинулъ какъ можно дальше: ему хотѣлось поймать крупную рыбу; мы же съ Евсеичемъ удили на среднія удочки и на маленькихъ навозныхъ червячковъ. Клевъ начался ту-жъ минуту; безпрестанно брали средніе окуни и подлещики, которыхъ я еще не видывалъ. Я пришелъ въ такое волненіе, въ такой азартъ, какъ говорилъ Евсеичъ, что у меня дрожали руки и ноги, и я самъ не помнилъ, что дѣлалъ. У насъ поднялась страшная возня отъ частаго вытаскиванія рыбы и закидыванья удочекъ, отъ моихъ

восклицаній и Евсеичевыхъ наставленій и удерживанья моихъ дѣтскихъ порывовъ, а потому отецъ, сказавъ: „нѣтъ, здѣсь съ вами ничего не выудишь хорошаго“, сѣлъ въ лодку, взялъ свою большую удочку, отъѣхалъ отъ насъ нѣсколько десятковъ саженъ подальше, опустилъ на дно веревку съ камнемъ, привязанную къ лодкѣ, и сталъ удить. Множество и легкость добычи охладили однако горячность мою и моего дядьки, который, право, горячился не меньше меня. Онъ сталъ думать, какъ бы и намъ выудить рыбу покрупнѣе. „Давай, соколикъ, удить со дна, сказалъ онъ мнѣ, и станемъ насаживать червяковъ побольше; а я закину третью удочку на хлѣбъ.“ Я, разумѣется, охотно согласился: наплавки передвинули повыше, такъ что они уже не стояли, а лежали на водѣ, червяковъ насадили покрупнѣе, а Евсеичъ навздѣвалъ ихъ даже десятокъ на свой крючокъ; на третью же удочку насадилъ онъ кусокъ умятаго хлѣба, почти въ орѣхъ величиною. Рыба вдругъ перестала брать, и у насъ наступила совершенная тишина. Какъ нарочно, для подтвержденья словъ моего отца, что съ нами ничего хорошаго не выудишь, у него взяла какая-то большая рыба; онъ долго возился съ нею, и мы съ Евсеичемъ, стоя на мосткахъ, принимали живое участіе. Вдругъ отецъ закричалъ: „сорвалась!“ и вытащилъ изъ воды пустую удочку; крючекъ однако остался цѣлъ. „Видно, я не далъ хорошенько заглотать“, съ досадою сказалъ онъ; снова насадилъ крючекъ и снова закинулъ удочку. Евсеичъ очень горевалъ: „Экой грѣхъ, говорилъ онъ, теперь ужъ другая не возьметъ. Ужъ первая сорвалась, такъ удачи не будетъ!“ Я же, вовсе не видѣвшій рыбы, потому что отецъ не выводилъ ее на поверхность воды, не чувствовавшій ея тяжести, потому что не держалъ удилища въ рукахъ, не понимавшій, что по согнутому удилищу можно судить о величинѣ рыбы,—я не такъ близко къ сердцу принялъ эту потерю, и говорилъ, можетъ быть, это была маленькая рыбка. Нѣсколько времени мы сидѣли въ совершенной тишинѣ, рыба не трогала. Мнѣ стало скучно и я попросилъ Евсеича переладить мою удочку по прежнему; онъ исполнилъ мою просьбу; наплавокъ мой всталъ, и клевъ начался немедленно; но свои удочки Евсеичъ

не переправлялъ, и его наплавки спокойно лежали на водѣ. Я выудилъ уже болѣе двадцати рыбъ, изъ которыхъ двухъ не могъ вытащить безъ помощи Евсеича: правду сказать, онъ только и дѣлалъ, что снималъ рыбу съ моей удочки, сажалъ ее въ ведро съ водой, или насаживалъ червяковъ на мой крючокъ; своими удочками ему некогда было заниматься, а потому онъ и не замѣтилъ, что одного удилища уже не было на досткахъ, и что какая-то рыбя утащила его отъ насъ саженъ на двадцать. Евсеичъ поднялъ такой крикъ, что испугалъ меня; Сурка, бывшій съ нами, началъ лаять. Евсеичъ сталъ просить и молить моего отца, чтобъ онъ поймалъ плавающее удилище. Отецъ поспѣшно исполнилъ его просьбу: поднялъ камень въ лодку, и гребя весломъ то направо, то налѣво, скоро догналъ Евсеичево удилище, вытащилъ очень большаго окуня, не отцѣпляя положилъ его въ лодку и привезъ къ намъ на мостки. Въ этомъ происшествіи я уже принималъ гораздо живѣйшее участіе; крики и тревога Евсеича привели меня въ волненіе; я прыгалъ отъ радости, когда мы принесли окуня на берегъ, отцѣпили и посадили въ ведро. Вѣроятно, рыба была испугана шумомъ и движеньемъ подъѣзжавшей лодки: клевъ прекратился и мы долго сидѣли, напрасно ожидая новой добычи. Только къ вечеру, когда солнышко стало уже садиться, отецъ мой выудилъ огромнаго леща, котораго оставилъ у себя въ лодкѣ, чтобъ не распугать, какъ видно, подходившую рыбу; держа обѣими руками леща, онъ показалъ намъ его только издали. У меня начали брать подлещики, какъ вдругъ отецъ замѣтилъ, что отъ воды сталъ подыматься туманъ, закричалъ намъ, что мнѣ пора идти къ матери, и приказалъ Евсеичу отвести меня домой. Очень не хотѣлось мнѣ идти; но я уже столько натѣшился рыбною ловлею, что не смѣлъ попросить позволенья остаться, и, помогая Евсеичу обѣими руками нести ведро, полное воды и рыбы, хотя въ помощи моей никакой надобности не было и я скорѣе мѣшалъ ему—весело пошелъ къ ожидавшей меня матери. Покуда я удилъ, вытаскивая рыбу или наблюдая за движеніемъ наплавка, или безпрестанно ожидая, что вотъ сейчасъ начнется клевъ—я чувствовалъ только волненіе страха, надежды и какой-то охот-

ничьей жадности; настоящее удовольствіе, полную радость я почувствовалъ только теперь, съ восторгомъ вспоминая всѣ подробности и пересказывая ихъ Евсеичу, который самъ былъ участникъ моей ловли, слѣдовательно зналъ все также хорошо, какъ и я; но который, будучи истиннымъ охотникомъ, также находилъ наслажденіе въ повтореніи и воспоминаніи всѣхъ случайностей охоты. Мы шли и оба кричали, перебивая другъ друга своими разсказами, даже останавливались иногда, ставили ведро на землю и доканчивали какое нибудь горячее воспоминаніе: какъ тронуло наплавокъ, какъ его утащило, какъ упиралась или какъ сорвалась рыба; потомъ снова хватались за ведро и спѣшили домой. Мать, сидѣвшая на каменномъ крыльцѣ или, лучше сказать, на двухъ камняхъ, замѣнявшихъ крыльцо для входа въ наше новое, недостроенное жилище, издали услышала, что мы возвращаемся, и дивилась, что насъ долго нѣтъ. „О чемъ это вы съ Евсеичемъ такъ громко разсуждали?“ спросила она, когда мы подошли къ ней. Я снова принялся разсказывать, Евсеичъ то-же. Хотя я не одинъ уже разъ замѣчалъ, что мать неохотно слушаетъ мои горячія описанія рыбной ловли,—въ эту я все забылъ. Въ подтвержденіе нашихъ разсказовъ, мы съ Евсеичемъ вынимали изъ ведра то ту, то другую рыбу, а какъ это было затруднительно, то наконецъ вытряхнули всю свою добычу на землю; но увы, никакого впечатлѣнія не произвела наша рыба на мою мать.

Аксаковъ.

---

132. Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями,—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужики вдвоемъ
Близъ осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.
„Ну, катай на перегонки!"
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.
„Тянутъ, тянутъ!" закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ".
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
—„Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,
Нечего глядѣть!"
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьи,
Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ на денекъ!"
И на корточки присѣли:
Рыбу класть въ мѣшокъ.

Никитинъ.

---

133. Рыбная ловля.

Вчера, чтобъ только сонъ прогнать, пошелъ на озеро; смотрю— какая гладь! Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы, какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы, иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ. Смотрю — усачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку, самъ до колѣнъ въ водѣ и удитъ на булавку. «Что, служба?» крикнулъ я.—„Пришли побаловать маленько", говоритъ. —„Нѣтъ, клевъ-то какъ, служивый?" —А, клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый, что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать". Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья? Закину, думаю, я разикъ — и

назадъ. Есть мѣсто-жъ у меня завѣтное: тамъ скатъ отъ самыхъ камышей и мелкіе каменья...

Тихонько удочки забравши, впопыхахъ бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то, но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота и, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ. Злодѣи-рыбаки ужь тутъ давно: вонъ съ челномъ запрятался въ тростникъ, тотъ шаритъ въ глубинѣ... Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ, есть напряженіе въ сей людной тишинѣ; лишь свиснетъ въ воздухѣ леса волосяная, да вздохъ послышится—упорно всѣ молчатъ и зорко издали другъ за другомъ слѣдятъ. Межъ тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная: стрекозы синія колеблютъ поплавки, и тощіе кругомъ шныряютъ пауки, и кружится, сребрясь, снѣтковъ веселыхъ стая, иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая. Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, —и трепеща всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ: онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилищѣ гнуткомъ выводитъ на воду упорнаго леща... И черно-золотой красавецъ повернулся и вдругъ взмахнулъ хвостомъ, испуганный, рванулся... „Отдай отдай!“ кричитъ, и снова въ глубину идетъ чудовище, и ходитъ вся въ струну натянута леса... дрожь вчужѣ пробираетъ!.. А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ. Тащу—зіяетъ пасть зубастая—и вдругъ взвилась моя леса, свистя надъ головою... Обгрызла!... Господи!.. но, зная норовъ щукъ, другую удочку предъ тою же травою тихонько завожу и жду, едва дыша... Клюетъ... Напрягся я, и со всего размаха, исполняся надеждъ, волнуяся отъ страха, выкидываю вверхъ—чуть виднаго ерша... О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плачу; кляну себя, людей и міръ за неудачу. И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу, и только комары, облипшіе мнѣ щеки, обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій. Но вотъ ужь смерклося. Свѣжѣетъ. Вкругъ ни звука. На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ. Чу... тянутъ якорь! Раздался веселъ плескъ... Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука! Вотъ, если бы чѣмъ-свѣтъ забраться въ тростники, когда лишь по зарѣ замѣтить поплавки; и то почти къ водѣ припавши... тутъ охота!.. Что-жъ медлить! Завтра-же... Межъ тѣмъ всѣ чел-

ноки, толкаясь, пристаютъ у низенькаго плота, и громкій переклик несется на водахъ о всѣхъ событіяхъ дня, о прорванныхъ лесахъ и брань, и похвальбы, исполненныя страсти; на плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти, и плещетъ шаткій плотъ, качаясь подъ ногой. Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужь прохладно; за то какъ дышится у лодокъ надъ водой, гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной; межъ тѣмъ какъ изъ лѣсу, чуть слышнымъ вѣтеркомъ, смолой напитаннымъ, потянетъ вдругъ тепломъ!.. Иду я спать... И вотъ опять предъ глазами все катится вода огнистыми струями, и ходятъ поплавки. На мигъ лишь задремалъ — и кажется, клюетъ!.. Тутъ полно, сонъ поропалъ; пылаетъ голова и сердце бьется съ болью. Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ, я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ, взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью. Но нá небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ, и къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ; чуть видны береговъ ближайшіе извивы; не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ, но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый. И точно. Дождь потомъ захлесталъ все сильнѣй; вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей, и я промокъ насквозь; окостенѣли руки; но окунь, видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ — со дна и по верху гнался за червякомъ, и ловко выхватилъ я прямо въ челнъ двѣ щуки... Тутъ вѣтеръ потянулъ— и золотымъ лучемъ деревню облило. Э, солнце какъ высоко! Ужь дома самоваръ, пожалуй, недалеко... Домой! и въ комнату, пронизанный дождемъ, съ пылающимъ лицемъ, съ думой и мыслью ясной, двѣ щуки на снуркѣ, вхожу я съ торжествомъ.

Майковъ.

---

134. Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай!“
—„Сосѣдушка, я сытъ по горло.“
—„Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“

—„Я три тарелки съѣлъ“.
—„И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна,
Какъ будто янтаремъ подернулась она;
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.
„Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ,
„За то ужъ чванныхъ не терплю,
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку,
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой!...

Крыловъ.

---

135. Украинская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ средины неба глядитъ мѣсяцъ, необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ и прохладно душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и по-

койны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ, и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! вдругъ все оживило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ. **Гоголь.**

---

136. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя!, тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца“.
Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! хозяйка,
Дай кафтанъ; ужъ поплетусь...
Гдѣ-жь мертвецъ?—„Вотъ,
тятя, э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
И потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ.
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ...
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами

Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то, поколочу!“
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ;вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
„Кто тамъ?“—Эй, впусти хозяинъ!
„Ну какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чертъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возится мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно“—
И лѣнивою рукою
Поднимаетъ онъ окно...
Изъ за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: „чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ на пролетъ;
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.

---

137. Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.
Передъ нимъ рыбачья хата;
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много-ль ловишь ты и лова
Гдѣ добычу продаешь?“
Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!

Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня."
Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.
„Ну, старинушка, готово!
Смѣло въ воду челнъ содвинь,
И на счастіе Петрово
Сѣти на морѣ закинь!"
—„На Петрово? Эко слово
Молвилъ!" думаетъ рыбакъ:
„Съ топоромъ, гляди какъ ловокъ,
А по рѣчи... Какъ же такъ?"
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Майковъ.

---

138. Маленькій преступникъ.

Все шло хорошо и дома; но за завтракомъ Гриша сталъ свистать и, что было хуже всего, не послушался англичанки,—и былъ оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день (день причащенія) до наказанія, еслибъ она была тутъ; но надо было поддержать распоряженіе англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе, что Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

Гриша плакалъ, говоря, что Николинка свисталъ, но что вотъ его не наказали, и что онъ не отъ пирога плачетъ,—ему все равно,—но о томъ, что съ нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась, переговоривъ съ англичанкой, простить Гришу, и пошла къ ней. Но тутъ, проходя чрезъ залу, она увидала сцену, наполнившую такою радостью ея сердце, что слезы выступили ей на глаза, и она сама простила преступника.

Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; подлѣ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ она попросила у англичанки позволенія снести свою порцію пирога въ дѣтскую, и вмѣсто этого принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ ѣлъ принесенный пирогъ, и сквозь рыданія приговаривалъ: „ѣшь сама, вмѣстѣ будемъ ѣсть... вмѣстѣ". На Таню сначала подѣйствовала жалость за

Гришу, потомъ сознаніе своего добродѣтельнаго поступка, и слезы у ней тоже стояли на глазахъ, но она, не отказываясь, ѣла свою долю.

Увидавъ мать, они испугались, но, вглядѣвшись въ ея лицо, поняли, что они дѣлаютъ хорошо, засмѣялись, и съ полными пирогомъ ртами, стали обтирать улыбающіяся губы руками, и измазали всѣ свои сіяющія лица слезами и вареньемъ.

— Матушки! Новое, бѣлое платье. Таня! Гриша! говорила мать, стараясь спасти платье, но со слезами на глазахъ улыбаясь блаженною, восторженною улыбкой.

Толстой.

---

139. Въ купальнѣ.

Новыя платья сняли, велѣли надѣть дѣвочкамъ блузки, а мальчикамъ старыя курточки, и велѣли закладывать линейку, опять,— къ огорченію прикащика,—Бураго въ дышло, чтобы ѣхать за грибами и на купальню. Стонъ восторженнаго визга поднялся въ дѣтской и не умолкалъ до самаго отъѣзда на купальню.

Грибовъ набрали цѣлую корзинку, даже Лили нашла березовый грибъ. Прежде бывало такъ, что миссъ Гуль найдетъ и покажетъ ей, но теперь она сама нашла березовый шлюпикъ, и былъ общій восторженный крикъ: „Лили нашла шлюпикъ!“

Потомъ подъѣхали къ рѣкѣ, поставили лошадей подъ березками, и пошли въ купальню. Кучеръ Терентій, привязавъ къ дереву отмахивающихся отъ оводовъ лошадей, легъ, приминая траву, въ тѣни березы, и курилъ тютюнъ, а изъ купальни доносился до него неумолкавшій дѣтскій веселый визгъ.

Хотя и хлопотливо было смотрѣть за всѣми дѣтьми и останавливать ихъ шалости, хотя и трудно было вспомнить и не перепутать всѣ эти чулочки, панталончики, башмачки съ разныхъ ногъ, и развязывать и разстегивать и завязывать тесемочки и пуговки, Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезнымъ для дѣтей, ничѣмъ такъ не

наслаждалась, какъ этимъ купаньемъ со всѣми дѣтьми. Перебирать всѣ эти пухленькія ножки, натягивая на нихъ чулочки, брать въ руки и окунать эти голенькія тѣльца, и слышать то радостные, то испуганные визги; видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами, лица этихъ, брызгающихся своихъ херувимчиковъ,—было для нея большое наслажденіе.

Когда уже половина дѣтей были одѣты, къ купальнѣ подошли и робко остановились нарядныя бабы, ходившія за сныткой и молочникомъ. Марья Фимоновна крикнула одну, чтобы дать ей высушить уроненную въ воду простыню и рубашку, и Дарья Александровна разговорилась съ бабами. Бабы, сначала смѣявшіяся въ руку и не понимавшія вопроса, скоро осмѣлились и разговорились, тотчасъ же подкупивъ Дарью Александровну искреннимъ любованьемъ дѣтьми, которое онѣ оказывали.

Толстой.

---

140. Нива.

Любо стоять намъ надъ нивой широкою,
Нивой покрытою рожью высокою,
Нивой одѣтой въ нарядъ золотой,
Нивой рябящею зыбы волной...
Любо глядѣть, какъ она колыхается,
Какъ съ горизонтомъ далекимъ сливается
Какъ убѣгаетъ куда-то изъ глазъ
Въ лѣтній, палящій, полуденный часъ.

Сердце восторгомъ въ груди переполнено,
Теплой молитвой къ Творцу преисполнено;
Весело пахарь на ниву глядитъ,—
Много та нива бѣднягѣ сулитъ...
Въ нивѣ той скрыто его достояніе,
Вся тутъ надежда его, упованіе,
Въ ней и его, и семейства покой
Сосредоточенъ всемощной рукой.

Любо глядѣть, какъ надъ ней золотистою,
Съ зорькой румяною, зорькой росистою,
Бабы, стараясь одна предъ другой,
Станъ изгибаютъ за жнитвой дугой...
Любо намъ слушать и пѣснь голосистую,
Что оглашаетъ ту ниву волнистую
Въ часъ, когда вечеромъ позднимъ домой
Жницы шагаютъ веселой толпой...

Пѣснь ихъ далеко надъ нивой разносится,
Въ сердце и душу, родимая, просится,—
Въ звукахъ той пѣсни легко угадать,
Что имъ Господь ниспослалъ благодать.
Что стужу зимнюю, стужу сердитую
Встрѣтятъ они съ закромою набитою,
И что съ злодѣйкой, лихою бѣдой
Рокъ не столкнетъ ихъ суровой зимой.

Но ужъ за то, какъ душа надрывается,
Если надъ нивой кой гдѣ лишь качается
Колосъ и тощій и вяло-сухой
Надъ обнаженной почти полосой...
Плачется бѣдный крестьянинъ надъ нивою,
Смотрится въ даль онъ съ улыбкой унылою,
Нива пустая безъ словъ говоритъ
Все, чѣмъ ему пустошь нивы грозитъ.

Ставискій.

---

141. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ; глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ

водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтками къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто кромѣ солнца и голубаго неба не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ!

Чуденъ Днѣпръ и при лѣтней теплой ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды, звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ онъ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею—напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ! Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, видѣнъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ: чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему, въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы и съ трескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, провожая своего сына въ войско; разгульный и бодрый ѣдетъ онъ на вороном конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремена, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Гоголь.

142. Лѣто.

Небесное облачко таетъ,
Плывя въ высотѣ голубой,
И сквозь его солнце бросаетъ
На землю свой лучъ золотой.

Опять животворное лѣто
Настало—и жизнью вокругъ
Повѣяло снова... Одѣта
Вся зеленью роща и лугъ;

Поднялся и колосъ сребристый—
Шумитъ, наливаясь зерномъ,
И ландышъ на полѣ душистый
Цвѣтетъ надъ зеленымъ листкомъ.

Разносятся чудные звуки
Веселыхъ пернатыхъ пѣвцовъ,
Отъ нихъ забываются муки
Такъ горько прожитыхъ годовъ.

И крѣпнутъ участія силы,
И въ душу нисходитъ покой...
Ахъ, если-бы такъ до могилы
Все вѣяло лѣтней порой!...

Дрожжинъ.

---

143. Тришка.

А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя:—что у васъ тоже въ Шалашовѣ было видать предвидѣнье-то небесное?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ-же.

— Чай напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ намъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ-та, какъ только затемнѣло, слышь,

взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть“, говоритъ, „наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ въ деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищныя птицы полетятъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку? спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Ильюша—ну, братъ, откелева же ты, что Тришки не знаешь? Тришка—это будетъ такой человѣкъ удивительный, который прійдетъ, а прійдетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали! Ну, и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій—ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего.... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павлуша, такой... Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и прійдетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ, отъ Слободки, съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная.... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ; свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то, врагъ-душегубецъ, пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились! А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Тургеневъ.

---

144. Щука и Котъ.

Зубастой Щукѣ въ умъ пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ анбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.“
— И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей!—
„Такъ въ добрый часъ пойдемъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ!

Крыловъ.

---

145. Гроза.

Большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самого горизонта. Изрѣдка, вдалекѣ, вспыхиваетъ молнія, и слышится слабый

гулъ, постепенно усиливающiйся, приближающiйся и переходящiй въ прерывистые раскаты, обнимающiе весь небосклонъ. Василiй приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настороживаютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣднiй разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко-выдѣляющагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣренiемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожаннаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички. Молнiя вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣнiе и на одно мгновенiе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся въ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линiи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющiй трепетать и сдерживать дыханiе.

Толстой.

---

146. Послѣ грозы.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣть въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть-чуть вид-

нѣется клочекъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго какъ сквозь сито, мелкаго, прямого дождя и на обмытой блестящей зелени дорожной травы. Черная туча также грозно застилаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ея.

Я испытываю невыразимо отрадное чувство страха. Душа моя улыбается также, какъ и освѣженная, повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ возжами и чемоданами, покачивается передъ нами; спины лошадей, шлеи, возжи, шины колесъ—все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги —необозримое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрою землею и зеленью и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта, съ другой стороны —- осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣвомъ, какъ-бы въ избыткѣ счастія стоитъ—не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселой пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса, послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтви распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ.

Толстой.

---

147. Пустынникъ и Медвѣдь.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:

Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
—„Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.“
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей!
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ,
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:

„Прилягъ-ко, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу."
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ,
А Мишка на часахъ—да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носу муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И не отвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!"
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

Крыловъ.

---

148. Исполинскій пирогъ.

Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не утомлялись эти трудолюбивые муравьи *): тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ-что одинъ совсѣмъ черствый, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ съ наслаж-

*) Авторъ говоритъ о прежней жизни помѣщиковъ.

деніемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

Гончаровъ.

149. Полдень.

Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся: надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати шагахъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ пустой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пѣшни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ рябятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуру, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ; никто не помѣшалъ-бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто нибудь подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами, или проворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ

обѣими ногами съ своего ложа, и какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія,—промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

Гончаровъ.

---

150. Наступленіе вечера.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрыпнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутомимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Гончаровъ.

151. Вечеръ.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей; готовится ужинъ.

Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка и хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце уже опускалось за лѣсъ; оно бросило нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ

оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, а потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо-слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто то плеснулъ еще въ послѣдній разъ и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгрупировались въ какихъ то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучекъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Гончаровъ.

---

152. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтеръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной

Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль Божьей рати лучшій воинъ
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда съ небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?
Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ—символъ святой....
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

---

153. Садъ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ.

Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенной верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился въ воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его,

какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего чистокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по награможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубо ощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Гоголь.

---

154. Ночь.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ;

Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ:
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы-хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Лермонтовъ.

---

155. Игры.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя высокую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые колебающіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, вотъ что! сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ.—Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно, сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ; должно быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ быть и то, что у него было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представ-

леніи сценъ изъ „Robinson Suisse“ (Швейцарскаго Робинзона), котораго мы читали не задолго предъ этимъ.

— Ну, пожалуста....отчего же ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія? приставали къ нему дѣвочки.—Ты будешь Charles или Ernest (Карлъ или Эрнестъ), или отецъ—какъ хочешь? говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется—скучно! сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть, сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь пожалуста: терпѣть не могу.

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю, и воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начинали грести, Володя сидѣлъ, сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно. Я самъ знаю, что изъ палки не только убить, да и выстрѣлить нельзя никакъ. Эта игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей,—и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!... Ежели по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что-жъ тогда остается.

Толстой.

156. Потокъ и ручей.

Съ громкимъ ревомъ низвергался
Съ горы бѣшенный потокъ;—
Тихо, скромно пробирался
По равнинѣ ручеекъ.
Но потокъ исчезъ ужасный,
Какъ разстаяли снѣга,—
Все течетъ ручей прекрасный,
Размывая берега.
Съ его струйками играютъ
Рыбки рѣзвыя гурьбой;
Птички по камнямъ порхаютъ,
Говоря между собой.
Здѣсь алмазами сверкая,
Струйка быстрая бѣжитъ;
Въ брызгахъ радуга играя,
Надъ каменьями виситъ;
Тамъ, подъ зеленью скрываясь,
Онъ тихонько журчитъ;
Невидимкой оставаясь,
Много сердцу говоритъ.
Не желаю жизни бурной,
Какъ гремитъ, бурлитъ потокъ;
Но спокойной, тихой, мирной,
Какъ течетъ мой ручеекъ.

Студитскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

